

Александр Асмолов

Шкатулка императора
электронная книга

Александр Георгиевич Асмолов

Шкатулка императора

Серия «Ушебти», книга 6

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3935265

*Шкатулка императора/ Александр Асмолов: Спорт и Культура – 2000;
ISBN 978-5-91775-088-0*

Аннотация

Одну из тайн Российского престола хранит шкатулка императора Павла-I. Кто-то считает, что там предсказания монаха-прорицателя, кто-то ищет шифры к банковским счетам царской семьи. В борьбу за необычный секрет вовлечены разные силы, и смертей вокруг шкатулки все больше. События развиваются в России, Испании, Англии и на Святой Земле.

Книга будет интересна поклонникам детективного и приключенческого жанра, любителям эзотерики и всем, кто не равнодушен к истории России.

Содержание

Глава I	4
Глава II	26
Глава III	46
Глава IV	63
Глава V	73
Глава VI	87
Глава VII	103
Глава VIII	120
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Александр Асмолов

Шкатулка императора

*В зеркале прошлого тени видней,
знаки за гранью прочтет посвященный*

Глава I

Наверное, император был знойным мужчиной, если его именем назвали последний месяц лета. Подобно изнуряющему пеклу, власть Цезаря проникала не только в укромные уголки домов, спрятанных в тенистых садах, но и души граждан великой империи, а уж рабов и вовсе приводила в трепет. Впрочем, в детстве Август был наречен проще, но после славных побед великий сенат дал ему титул, ставший позднее громким именем для всех императоров. Возвеличенный монарх, как и знойный месяц, довлели над миром. От обоих было душно.

Так же, как летом 2010 года в России. Огромная страна изнывала от жары и засухи, а в августе, когда начались пожары, и едкий дым заброшенных лесов и торфяников мутными волнами накрывал Подмоскovie, в столице стало невыносимо. Все, кто мог себе позволить отпуск, уезжали к морю или вообще за границу, оставив город на семи холмах изнывать

от горячего дыхания раскаленных африканских песков. Толстые стены домов, призванные защищать жителей от сорокоградусных морозов, теперь, как губки, напитавшись жаром далекой Сахары, до глубокой ночи щедро отдавали его, навевая своим хозяевам тяжелые сны. От зноя не было спасения даже в подземке. Составы метро, словно огромные поршни, загоняли в туннели все новые и новые инъекции раскаленного солнцем воздуха и быстро разносили его по артериям всей системы, которая стала напоминать античные термы. Только к утру метро чуть остывало, но спешащие по делам люди быстро наполняли его своим горячим дыханием.

На станции "Третьяковская" удобно пересаживаться с "зеленой" на "оранжевую" ветку, поэтому там всегда многолюдно. Когда вагон метро, зашипев пневматикой дверей, жадно вобрал в себя разгоряченную порцию пассажиров, внутри стало тесно. Пожилую женщину, крепко державшую за руку девчущку лет пяти-шести, придавило к противоположной от входа двери. Она, молча, снесла это привычное для москвичей насилие, отодвинувшись так, чтобы девочке было посвободнее. Стоявшая рядом пассажирка лет двадцати сочувственно улыбнулась и тоже повернулась боком, пропуская девчущку к окошку. Та безразлично уставилась на большой рекламный плакат за стеклом. Было душно и близость чужих разгоряченных тел вызывала раздражение. Еще нужно было куда-то спрятать глаза, чтобы не встречаться взглядом с остальными пассажирами. Тут-то, расклеенная повсю-

ду реклама, и находила своих читателей. В который раз броские фразы и яркие картинки пытались вызвать желание купить что-то, но, как правило, достигали обратного эффекта. Те, кто ездит на метро, не покупают норковые шубы и бриллианты. Даже со скидкой в 70 %.

Наконец-то вагон тронулся. Припавшая к окну девочка лет, испуганно вскрикнула и резко отпрянула от стекла, пытаясь спрятаться в длинной юбке пожилой женщины. Отвернувшись, бедняжка стиснула в кулачках тонкую ткань одежды и уткнулась в него лицом. Женщина инстинктивно прижала маленькое тельце к себе и настороженно взглянула в окно, пытаясь понять, что так напугало малышку. Следом за ней туда же посмотрела и молоденькая пассажирка, стоявшая рядом. Надменно улыбающееся лицо мужчины, чуть исподлобья смотревшего с яркого плаката, проплыло за стеклом.

– Нина! – укоризненно произнесла женщина. – Это же реклама. Ну, что, ты.

В ответ не прозвучало ни слова. Девочка боялась даже пошевелинуться. Женщина ласково погладила черные кудряшки, спадавшие на спину, но та только дернула плечиком, словно отмахиваясь. Поезд набирал ход, заполняя шумом весь вагон, который, то раскачивался, то вздрагивал на стыках рельс, словно делал это умышленно, чтобы продемонстрировать всем, кто тут хозяин. Девушка, ставшая невольной свидетельницей неприятной сцены, осторожно присела

на корточках рядом с девчушкой. Наклонившись к самому ее уху, она зашептала, так, чтобы ее услышала только перепуганная малышка:

– Я их тоже вижу. Тут ничего страшного нет. Главное, не заговаривай с теми, кто тебе неприятен. Сами они никогда первыми не начнут.

Перепуганная девочка даже не шевельнулась, но было видно, как она напряжена. Словно невыносимая ноша легла на худенькие плечи и согнула их. Колеса вагона застучали сильнее, унося прочь от страшного места, и девушка стала говорить громче, понимая, что подслушать невозможно.

– Ты ведь никому не скажешь, что я их тоже вижу. Правда?

Курчавая головка чуть повернулась, и на пассажирку, сидевшую рядом на корточках, посмотрел огромный глаз. Зрачок был так сильно расширен, что радужка вокруг него превратилась в тонкий карий ободок. Испуганный взгляд был долгим. Потом на девушку уставились оба глаза. Не мигая, они смотрели на простое открытое лицо незнакомки. Скользили, изучая его черты, словно читали книгу. Постепенно напряжение у девочки исчезло.

– Похоже, ты кому-то рассказала о них, – как можно спокойнее произнесла незнакомка, – и теперь тебя таскают к психологу, который задает глупые вопросы.

Девчушка растерянно опустила глаза и кивнула.

– Со мной была такая же история, – доверительно призна-

лась девушка. – Представляешь, я однажды рассказала своей лучшей подруге о том, что вижу других, а та раструбила по всему двору. Надо мной сначала смеялись, а потом стали называть домовым. До сих пор помню их дразнилку. "Домовой над трубой поднимает дикий вой". Я даже дралась тогда.

– И с мальчишками? – неожиданно спросила девочка.

– Конечно! Я так научилась драться, что они меня уважали. Представляешь? Всегда в синяках была, но спуску никому не давала.

– А бабушка говорит, что драться нельзя.

– Это правильно. Но тут особый случай. Если бы она знала настоящую причину, то поняла бы. Ты, наверное, бабушке ничего не рассказывала про этих.

Девочка внимательно смотрела на незнакомку, словно прислушивалась, но ничего не ответила.

– Знаешь, рассказывать тем, кто их не видит, не стоит. Они не поверят. А ты сама скоро во всем разберешься. Уж поверь мне, раз ты их видишь, значит, ты необычная. Тебе многое дано, но никто не объяснит – зачем. Так выстроились звезды при твоём рождении. Верь только себе, и ничего не бойся.

Далее произошло странное событие. То ли поезд резко затормозил, подъезжая к очередной станции, то ли девушка сама решила, но она кинулась к девушке в объятья и повисла у нее на шее, обвив их своими худенькими ручками. Пожилая женщина, наблюдавшая за ними свысока, бросилась,

было, следом, чтобы воспрепятствовать этому, но незнакомка легко выпрямилась, подхватив легкое тельце рукой и бережно прижимая его к себе.

– Не беспокойтесь, она просто испугалась.

– Нет, нет. Что вы! Ниночка ни с одной няней не ладит. Да и нам выходить сейчас. Иди ко мне, детка.

Девчушка так доверчиво прижалась к столь общительной пассажирке, что женщина встревожилась не на шутку. Понимая, что сейчас может разгореться скандал, девушка мягко отстранила от себя малышку, передавая на руки женщине.

– Мне тоже выходить на "Павелецкой". Пойдемте, а то затопчут.

Они вовремя примкнули к потоку, покидающему вагон метро, потому что следом уже накатывался второй людской вал, торопившийся занять освободившееся место. Впрочем, троица уже была подхвачена течением, хлынувшим к эскалатору. Среди огромного, помпезно разукрашенного зала станции метро, они были так плотно прижаты друг к другу, что если бы и желали того, вряд ли смогли разойтись в стороны. Стоя на соседних ступеньках лестницы, поднимавшей их вверх, девочка и странная попутчица, не отрывали глаз друг от друга. Пожилая женщина даже повернулась, чтобы заслонить собой незнакомку, но девчушка вывернулась, чтобы не потерять ту из виду.

Когда же они, наконец, покинули метро, оказавшись на шумной улице Садового кольца, расставаться, не сказав ни

слова, было как-то неловко. Девушка решилась первой. Протянув свою узкую ладонь малышке, она очень просто сказала:

– Я не успела представиться. Меня зовут Варя. Та совершенно спокойно взяла протянутую руку обеими своими ладошками, и зачем-то начала трясти, словно пытаюсь этим что-то высказать. Сцена получилась комичной, и все рассмеялись.

– Это Ниночка, а меня зовут Лидия Натановна, – за обоих ответила женщина.

– Очень приятно познакомиться с вами, – девушка застенчиво улыбнулась, высвобождая свою руку. – Надеюсь, я не была назойливой. Как-нибудь еще увидимся.

Она хотела сказать обеим, что-то еще, но настороженный взгляд пожилой женщины ее остановил. Новая знакомая ступшевалась, начала расправлять несуществующие складки на своем скромном платье. Потом неуверенно кивнула и повернулась, собираясь идти своей дорогой.

– Не уходи! – умоляюще произнесла Ниночка.

Это было сказано так искренне и очень по-взрослому, что все замерли. Варя медленно обернулась, одновременно поправляя рукой короткую прическу. Она отчего-то не решалась посмотреть девчужке в глаза, отводя взгляд в сторону, на людской поток, обтекавший их, как неодушевленное препятствие на своем пути. Затянувшееся молчание прервала Лидия Натановна. Каким-то свойским голосом она неужи-

данно озорно предложила:

– Девчонки, а давайте по мороженному! От этой жары с ума можно сойти. А?

– Давайте! Давайте! – тут же подхватила Ниночка.

– Только, чур, потом за столом не капризничать, – строго предупредила та девочку, – а то нам обоим от Софьи Львовны достанется.

– Лидочка Натанна, да я умру, но все съем! – воодушевилась егоза.

– Нет, умирать мы не будем, – пошутила она в ответ, – но и живыми не дадимся. А? Варя, идем.

– Идем, идем, – ответила за девушку малышка. Ухватив Варю за руку, она потащила ее за собой.

Сопротивляться было бесполезно. Они остановились у киоска с мороженым, задумавшись, чем бы полакомится. Впрочем, тон в выборе задавала Ниночка. Со знанием дела она стала аргументировано объяснять, что ни в коем случае нельзя покупать, а что непременно нужно попробовать. Взрослые только развели руками. Ребенок был на недосыгаемой высоте. Его познания в тонкостях вкусовых особенностей широкого ассортимента были убедительны. Улыбчивый азиат, торговавший в ларьке, только цокал языком, одобрительно покачивая головой. Свернув на улицу Бахрушина, веселая троица прибавила шаг, чтобы мороженное не успело растаять. Благо идти им было недалеко. За небольшим парком, прямо у его дальней ограды возвышался доброт-

ный двухэтажный дом, простоявший за литой оградой более века. Выглядел он очень солидно, и казался старым аристократом среди крикливых новомодных построек, кичившихся своим достатком, но по сути переделанных из старых "хрущевок" в деловые офисы, "кафешки" или апартаменты.

– Варя, сюда! – девчушка потянула свою спутницу во дворик.

За изящной оградой был свой мир. Аккуратные дорожки с фонариками у самой земли петляли среди миниатюрных клумб, откуда-то доносился шелест водных струй фонтанчика, а нежный запах цветов дополнял приятную картину. Духота и жара остались где-то за оградой, и каждый входящий сюда с улицы, замедлял шаг и оглядывался. Если бы из кустов на дорожку вышел павлин или антилопа, это не вызвало бы особого удивления. Впечатление было такое, что в этом мире все возможно.

– Ну, пойдем же, – Ниночка нетерпеливо дернула Варю за руку.

– Как красиво! – восторженно отозвалась та, словно не слыша ее. – Ты здесь живешь?

– Это бабушкин дом, – с явной неприязнью бросила вполоборота девчушка.

Колокольчик на двери мелодично оповестил о пришедших. Мужчина спортивного типа в строгом сером костюме вопросительно посмотрел на Варю, и та сразу сникла под пристальным взглядом. Сказка мгновенно улетучилась, и де-

вушка почувствовала себя чужой.

– Витя, это со мной! – холодным властным тоном отчеканила Нина.

Для Вари это прозвучало так неожиданно, что она даже вздрогнула. Превращение испуганного зверька в домашнего деспота выглядело не комично, а угрожающе. Красивый дом за литой оградой, только что приведший ее в восторг своим сказочным садиком, вдруг превратился в зловещее темное здание, где ничего хорошего быть не могло. Даже ласковая прохлада, так приятно обволакивающая тело, вдруг стала чуждой и даже раздражала.

– Виктор, – замялась Лидия Натановна, – мы пройдем на кухню.

– Вы согласовали? – мужчина загородил дорогу госте.

– Витя, мы тебе мороженное принесли, – укоризненно произнесла девчушка, – а ты...

Серый костюм, еще секунду назад сидевший, как влитой на спортивной фигуре неожиданно сморщился и пошел складками, но дорогу не освободил. Ситуацию спасла Лидия Натановна, уже вынырнувшая откуда-то с красивой тарелочкой, на которой лежала пара ярких упаковок мороженого. Лицо охранника осталось неподвижным, но строгий взгляд потеплел.

– Только не торопись, – хихикнула Ниночка, – а то простудишься.

Она по-хозяйски отстранила серый костюм в сторону и

увлекла гостью за собой. Кухня, скорее, напоминала большую столовую, отделенную барной стойкой от плиты и прочей кухонной техники, аккуратно расставленной вдоль стены. Добротный овальный стол темного дерева посреди столовой выглядел очень солидно. На гладкой чистой поверхности его не было ни одного предмета, и свет из окна удлиненным прямоугольником пересекал столешницу наискосок, словно широкая перевязь для шпаги на военном мундире. Чувствовалось, что везде царил раз и навсегда утвержденный порядок.

– Варь, садись сюда, – Нина уже поддвигала от стены пару резных стульев с высокими спинками.

– Ого! – невольно вырвалось у гостьи. – Как в фамильном замке.

– Бабушка любит старые вещи, – пыхтя, выдавила из себя девчушка.

Они сели рядом, словно подружки, и стали болтать ногами под сиденьями стульев. Это выглядело неким протестом против строгости всего интерьера. Тем временем Лидия Натановна постелила перед каждой красивые вышитые салфетки и расставила приборы. Все это она проделало быстро и ловко, явно заученными движениями. Когда все принялись за мороженное, женщина аккуратно спросила:

– Варя, а ты москвичка?

– Нет, я родилась в Геленджике. Это на Черном море. В Москве три года. Сначала училась на дневном, а потом пе-

ревелась на заочный. Работаю в библиотеке.

– Не замужем?

– Нет, – девушка удивилась такому строгому допросу.

– И детей нет? – продолжала Лидия Натановна.

– Нет, – а почему вы спрашиваете?

– Варь, иди ко мне няней, – неожиданно выпалила девочка, перестав, есть мороженное.

– Нина! – одернула ее женщина. – Иди-ка лучше поиграй.

– Лидочка Натанна, – взмолилась та, – я тихонько посижу.

Честно-пречестно.

Женщина покачала головой, но строгости во взгляде не было. Более того, она неожиданно улыбнулась, и стала похожа на заботливую добрую хозяйку большого дома, чьи умелые руки обеспечивают уют и тепло всем его обитателям. Варя заметила седые корешки волос в редеющей прическе и морщинки, которые был не в силах скрыть макияж.

– Я ничего не решаю в этом доме, – скромно начала женщина, – но могу попросить Софью Львовну поговорить с тобой. Вижу, что вы как-то расположены друг к другу.

Она ласково глянула на девочку, потом на гостью.

– А у нас беда с воспитателями. Последняя уволилась неделю назад, и теперь Нина со мной, а я ведь только по кухне помогаю. Какой из меня психолог.

– Ну, я тоже не психолог. – начала, было, девушка.

– Не торопись отказываться. Условия здесь очень хорошие. Семья интеллигентная. Поговори с хозяйкой, а там вид-

но будет.

– Но у меня, право, таких планов не было.

Тут гостья почувствовала, как маленькая горячая ладошка легла на ее руку. Это был жест признания и просьбы одновременно. Дав обещание молчать, сорванец не нарушил слова, и это говорило о многом.

– Вы застали меня врасплох, – чуть хрипловатым голосом произнесла Варя. – Каких-то серьезных обязательств сейчас у меня нет, но с детьми я не работала.

Горячая ладошка нежно сжала ее руку.

– Не будем ходить вокруг да около – серьезно сказала Лидия Натановна. – Я поднимусь к Софье Львовне. Если она захочет, то сразу и поговорит с тобой.

Кабинет хозяйки тонул в полумраке и прохладе, несмотря на знойное солнце за окнами. Тяжелые темные шторы, добротная старя мебель, дорогие безделушки и картины в солидных рамах создавали настроение покоя и достатка. В глубоком мягком кресле у инкрустированного столика сидела полная женщина с властным лицом. Большой парик и пышные одежды старательно маскировали ее возраст и тучность. Горбинка на носу и пристальный взгляд темных глаз придавали выражению ее лица некую строгость.

Хозяйка указала жестом вошедшей девушке на кресло перед собой. Перехватив ее любопытный взгляд, пробежавший по картам Таро, лежащим на инкрустированном столике, да-

ма улыбнулась краешком густо накрашенных губ.

– Лида рассказала мне о вашей встрече, – она как бы ненадолго пододвинула к девушке колоду с необычными картинками на "рубашках". – Возьми одну.

Гостья, не задумываясь, вытащила карту из середины колоды и положила на столик картинкой вверх. На ней была изображена девушка, спокойно сидящая около льва и одной рукой треплющей его гриву, в другой ее руке на ладони лежала восьмерка.

– Интересно? – ухмыльнулась хозяйка. – Ты знаешь, что это обозначает?

– Сила, – спокойно ответила Варя. – Одиннадцатый аркан Таро. Символизирует духовную силу, преодолевающую физическую. Преобладания разума над инстинктами. Перевернутая карта означает деспотизм, зависть, обиду.

– Ну, перевернута она сейчас только по отношению ко мне, – мрачно улыбнулась дама. – А вообще-то одиннадцатый аркан еще называют "Справедливость" и "Дочь Пламенного Меча". Осознавший свои нравственные силы, способен побеждать в самых сложных ситуациях. Хозяин судьбы. Хотя в перевернутом смысле можно все обратить во зло, став жертвой своей неумной жажды удовольствий.

Девушка промолчала в ответ, но взгляда не отвела. Хозяйка, внимательно разглядывая лицо девушки, задумчиво произнесла:

– У Нины часто выпадает десятка "Мечей" – символ на-

сильственной смерти, страданий и горя.

– Но в перевернутом виде, – тут же продолжила гостя, – эта карта указывает на выигрыш, удачу, прибыль.

В наступившей паузе казалось, что последняя фраза осталась незамеченной.

– Ну, что же, Варя, давай знакомиться. Меня зовут Софья Львовна. С Ниночкой у нас не все так просто. В мае она потеряла родителей. Моя внучка Инна вопреки воле семьи жила в гражданском браке, отдельно от нас. Девочку мы почти не видели, но после автомобильной катастрофы Нина живет у меня. Нервные срывы и сложный характер в ее возрасте создают определенную проблему в общении с няней. Но девочка не может быть одна. Надеюсь тебе понятно, что я не могу взять в свой дом человека с улицы, и должна узнать тебя поближе, прежде, чем приму решение.

– Конечно, – согласилась та.

– Обычно я не читаю каких-то рекомендательных писем или резюме. Мне достаточно посмотреть человеку в глаза. Не возражаешь?

Девушка кивнула, давая понять, что согласна.

– Тогда подойдись ко мне поближе. Вот сюда, к свету.

Какое-то время хозяйка, молча, рассматривала лицо гостыи, потом заглянула в глаза. Варе это явно не понравилось, но она не отвернулась. Тем временем взгляд темных с красными прожилками на белках глаз Софьи Львовны словно ца-рапал ее изнутри. Пожилая женщина явно носила очки, но

сейчас они лежали в стороне.

Наконец девушке надоела эта экзекуция и она, чуть наклонив голову набок, но, не отводя взгляда, посмотрела сквозь неприятные темные глаза. Очевидно, гостья думала о чем-то приятном. Судя по мимолетной улыбке, тронувшей уголки тонких не покрашенных губ, мысли посетительницы были далеко отсюда. Она прикрылась ими, словно щитом, от всех невзгод на свете.

– Хорошо – хорошо, – сдалась без боя в этой молчаливой дуэли хозяйка. – Расскажи-ка мне, что ты думаешь о Нине. В двух словах.

– Мне теперь понятно, почему ее так называли.

– Интересно, – темные глаза блеснули.

– Вопреки распространенному мнению, Нина не грузинское имя, – спокойно начала девушка. – Действительно в священных писаниях встречается равноапостольная Нина, пришедшая в Грузию с проповедями из Иерусалима. Она обратила в Христианство сначала царя и его семейство, а затем и весь грузинский народ.

– Что же тут не так? – спокойно спросила хозяйка.

– Думаю, что кто-то очень тонко сыграл на чувствах родителей девочки, подсказав такое имя. Скорее всего, отец ее был грузином, потому и мать Нины была отвергнута семьей, как вероотступница. На самом деле имя Нина имеет очень древние корни. Они относятся к пятому тысячелетию до рождества Христова. К первой империи нынешней ци-

визитации – Ассирии. Один из ее правителей назвал столицу великого государства своим именем. На ассирийском это звучит, как Ниневия, то есть – госпожа. На шумерском Нина это – царица, а с древнееврейского Нина переводилась как правнучка.

Девушка говорила быстро и уверенно. Однако в ответ не было сказано ни слова, и казалось, что полумрак в комнате стал сгущаться. Какое-то время спустя хозяйка шумно вздохнула и спокойно добавила:

– Думаю, что версия греческого происхождения имени от Нинос, племянницы иерусалимского патриарха Ювеналия, которая положила начало христианства в Грузии, более известна в наше время. Хотя на иврите действительно есть два созвучных слова. Пнина – жемчужина и нун – правнук. Но это для специалистов. Кстати, откуда такая осведомленность?

– Мои родители по образованию археологи, преподают историю в средней школе. Я унаследовала их увлечение.

– М-да, – тяжело вздохнула грузная дама, – теперь такие знания редкость. Молодежь стремится сразу ездить в "Мерседесах" а если ходить, то только по подиуму. Варя, а ты водишь машину?

– Да, но своей не обзавелась.

Девушка отвечала коротко и только по существу, уже поняв, что собеседница не любит споров или диалогов. Она привыкла, чтобы ее слушали, и долгой паузой оттеняла все,

что было сказано прежде.

– После автомобильной катастрофы, в которой погибли родители Нины, я боюсь машин, и запрещаю возить девочку. Пусть пользуется метро. У Нины нелегкая судьба, но она последняя из нашего рода. Ее дядя, мой внук Арик, едва остался жив, когда в Ташкенте начались погромы. Тогда, при развале Союза, там был суший кошмар. Они все погибли. Вся семья. Только Арика удалось спасти, но у него никогда не будет детей.

Лицо грузной дамы как-то осунулось и морщины стали глубже.

– Арик, это сокращенно от Аристарха или Ариэля? – только чтобы разрядить обстановку спросила девушка.

– Ариэль, – едва слышно произнесла хозяйка, – Хотя в советские времена многие скрывали свои настоящие имена, чтобы не навлечь на себя беду. Изя становился Игорем, а Моше – Мишей. Правда, Арик всегда переводил стрелки на популярную ВИА "Ариэль" и это сходило с рук. До поры до времени.

– Был еще одноименный роман Александра Беляева, – вскинулась Варя и, подумав, добавила. – Если не ошибаюсь, на иврите Ари звучит как лев, эль – Бог, то есть – божий лев. Алтарь в Первом Храме тоже носил имя Ариэль, да и сам Иерусалим иногда так называли. Думаю, что имя внуку тоже дали не случайно. Судя по возрасту, он родился в день Ариэля. Так называют день объединения Иерусалима после

шестидневной войны в 1967 году.

– Деточка, это нетактично напоминать мне о возрасте, – улыбнулась хозяйка. – Впрочем, мне по душе твое увлечение историей. А ты была в Иерусалиме?

– Нет.

– Необычный город. Для него нужно созреть душой, как для романов Достоевского, иначе ничего не поймешь.

Они помолчали. Гостья скромно разглядывала карты на столике, не продолжая затронутую тему. Внезапно хозяйка обратилась к ней сама:

– Попроси Лиду приготовить чаю. Не откажешь мне в компании?

Варя, молча, кивнула. Незаметной тенью она выскользнула на кухню и, выполнив поручение, тут же вернулась. Условия игры были приняты безоговорочно, что вполне устраивало хозяйку.

– Я редко выхожу на улицу, и круг общения достаточно узок. Те вертихвостки, что приходили до тебя ухаживать за девочкой, думали только о деньгах и мужчинах. Мне кажется, что с тобой мы могли бы поладить. Хотя предупреждаю сразу, я человек жесткий и прямолинейный, вранья не переношу. Кстати, а ты как с детьми-то? Общий язык находишь? Нина у нас не подарок. Бывают нервные срывы.

– Признаться, я никогда няней не была, и опыта такого нет.

– Та-ак, – протянула дама. – Еще интереснее. А ты кем

работаешь?

– Библиотекарем, – смутилась гостья. – Еще подрабатываю посыльной.

– И куда же тебя посылают?

– Последний раз я была посыльной в стоматологической клинике, – девушка едва улыбнулась. – Везла коробку с протезами из мастерской. Ну, по дороге уронила ее. Коробка упала, из нее высыпались челюсти и зубы.

– Как высыпались? – удивилась дама.

– Ну, так. По асфальту. Тут прохожие топчутся, а я зубы собираю.

Судороги приступов смеха охватили грузное тело в мягком кресле, но оно еще сдерживалось, чтобы не расхохотаться.

– А я все в коробку зубы заталкиваю, – продолжала Варя, – и думаю, как же я их потом на место поставлю. В челюсти. Их много, и они все новенькие. Потом смотрю, а зубы-то пронумерованы фломастером. Отлегло сразу. Но что-то меня настораживает. Понимаю, что ползу на четвереньках, прорываясь между ног прохожих к зубу, отфутболенному в сторону. А на нем номер. 48! Господи, думаю, что же это за монстр такой. Зубастый.

Обе не выдержали и расхохотались. А гостья сквозь слезы пыталась продолжить.

– Только потом, в клинике, мне объяснили. Ой, я не могу! Дантисты по-особому нумеруют зубы. Первая цифра обозна-

чает челюсть. А вторая. Простите.

Вошедшая с подносом домработница, застыла у двери кабинета с плотными шторами, не решаясь нарушить атмосферу безудержного смеха. Она давно не видела хозяйку, смеющуюся так искренне, что ей приходилось смахивать слезу. Уловив, наконец, короткий жест, Лидия Натановна быстро поставила чайные приборы на столик и разлила душистый чай по красивым, тонкого фарфора чашкам. Добавив в одну из них молока, она вопросительно взглянула на девушку. Та утвердительно кивнула, едва справляясь с очередным приступом смеха. Наверное, тут сказалось и нервное напряжение, и действительно забавная ситуация, и желание как-то сгладить тяжелые воспоминания хозяйки.

Порой мы неосознанно становимся причиной острых переживаний собеседника, случайно затрагивая потаенные струны его души. Осознавая такой проступок, мы становимся мягче и предупредительнее, пытаемся загладить невольный грех. Не разучившись сопереживать, мы берем на себя часть тяжелой ноши собеседника, который, выговариваясь, облегчает свою душу. Но такое откровение возникает не часто, для него нужен либо самый близкий друг, либо незнакомец, чем-то расположивший к себе.

Когда собеседницы перестали смеяться и принялись за чай, между ними возникла внезапная симпатия. Ни возраст, ни социальное положение, ни жизненный опыт не могли

быть тому причиной. И все же, нечто тонкое, неосязаемое связывало их души. И обе признались себе в этом странном расположении к незнакомому человеку. Поразмыслив, они пришли к одному выводу. Причиной была девочка, ее непостоящая судьба и желание как-то все исправить к лучшему. Они еще не представляли, как это возможно, но чувствовали, что в состоянии сделать это вместе.

Первой нарушила молчание хозяйка.

– Мне кажется, Варюша, ты именно тот человек, который сейчас нужен Ниночке. Назвать мы можем это как угодно. Няня, воспитательница, наставница. Договор оформим по всем правилам. У тебя будет своя комната, питание и прочее. С компенсацией мы решим так – умножь свою зарплату на десять и округли. Напиши мне телефон своего начальника, и я решу вопрос о твоём переходе на другую работу. Хочешь подумать или ответишь сразу? Судя по тому, что мне рассказала о тебе Лида, особых обязательств у тебя нет.

– Я согласна, – уверенно произнесла девушка.

Глава II

– Нина, если ты не будешь слушаться, Софья Львовна меня завтра же выгонит.

– Не выгонит, ты ей понравилась.

Новоиспеченная воспитательница сидела на краешке постели своей непослушной подопечной и пыталась ее убаюкать, но та, ни в какую, не хотела засыпать. Девочка была не по возрасту развита и наблюдательна. С первого взгляда определяла характер собеседника и быстро решала, интересен ли он ей. Она тянулась к Варе всей душой, впервые найдя искренний отклик на проблемы, которые ее так угнетали.

– А ты давно видишь этих, – неожиданно прервав пустую болтовню о сказках, спросила Нина.

– Я их всегда видела, – призналась наставница. – Даже не знала, что это нечто особенное, и не всем дано. Просто в какие-то моменты картинки или фотографии становились выпуклыми и начинали двигаться. Для меня это было естественно, ведь изображения людей были скопированы с живых. Когда я начинала их пристально рассматривать, я, словно, спрашивала о чем-то, и они откликались. Как и в жизни человек обращает на тебя внимание, если ты его рассматриваешь на улице. Он даже может обернуться и спросить, что не так, ну, или просто улыбнуться.

– И они всегда разговаривали с тобой? – карие глаза

округлились.

– Нет, конечно, – Варя ласково улыбнулась и покачала головой. – Картинки в книгах и журналах всегда разные. Черно-белые и цветные. Раньше такого количества журналов с глянцевыми фотографиями у меня не было. Я, как сейчас, помню названия "Огонек" и "Смена", там всегда были добрые лица. А вот в газетах было много странных и даже злых лиц. Мне иногда становилось любопытно, как это из точек получается изображение. Когда я внимательно рассматривала газетные снимки, точки оживали и превращались в иголки. Они постепенно вытягивались из бумаги, обретая очертания человеческого лица. Но многие из них мне не нравились, они всегда что-то просили. Другое дело картинки из фильмов. Мне очень нравилось "Искусство кино", но мои родители не покупали таких журналов, и я подбирала его выпуски летом на пляже.

– Почему? – удивилась Нина.

– Для родителей это было дорого. Они увлекались только историей и археологией. А мне нравилось кино. Люди придумали его, вкладывая свои мечты и надежды. Меня покорили сильные герои и красивые женщины. Я наклеивала их фотографии, вырезанные из журналов, на большой лист бумаги, висевший над кроватью в моей комнате. Однажды ночью мне не спалось, и я начала разговаривать с картинками. Некоторые из них стали выпуклыми, словно набухали изнутри, а потом появились в комнате.

– Другие?

– Да. Только они скорее напоминали не самих людей, а тени вот я и стала их так называть. Они проявлялись постепенно, нависали надо мной, всматриваясь куда-то внутрь, но молчали, пока я не заговаривала первой.

– Они были лохматые? – голосок у девочки задрожал.

– Давай ты не будешь бояться, а то мне придется отложить разговор.

Собеседница только кивнула, но подтянула простыню до подбородка.

– Раньше многое было по-другому, – спокойно пояснила Варя. – И музыка, и разговоры, и кино, и передачи по телевизору. Не было столько ужасиков и монстров. Тени с клыками и лохматые появлялись редко. Чаще из картинок приходили добрые видения. Наверное, поэтому я их не боялась, а с одним даже подружилась.

– Правда? – глазенки у девочки округлились.

– Он намного старше и умнее меня. Но главное... Он настоящий воин! Очень красивый и сильный Правда, любит надо мной подшутить.

– Ты не говоришь про него – был.

Варя насторожилась. Чуть наклонив голову, внимательно посмотрела на девочку, но та и не думала отступать. Было видно, что ей не по себе, но любопытство брало верх.

– Действительно, он и сейчас иногда появляется... Помогает советом.

– Как его зовут? – прошептала девчушка, словно боясь испугнуть кого-то.

– Александр.

– Варь, а как ты узнала, что он хороший? Девушка на минуту задумалась, что-то припоминая.

– Даже не знаю, как тебе объяснить. Просто почувствовала.

– А я их всех боюсь. Этих теней.

Во взгляде малышки появился нешуточный страх. Он искажал хорошенькое цветущее личико, обещавшее стать красивым. И от этого вызывал еще большее сострадание. Отчего-то жизнь иногда незаслуженно сурово распоряжается судьбами детей, подвергая их неокрепшие души серьезным испытаниям. И, к великому сожалению, эти души не выдерживают. Ломаются и переполняются ненавистью к окружающему миру, допускающему насилие в детстве. Этой злобы хватает на всю оставшуюся жизнь. И многие из них бессознательно и беспощадно мстят. За себя, за утерянное детство, за непознанное счастье.

– Я понимаю тебя, дружок, – как можно спокойнее произнесла Варя. – Потому и осталась в вашем доме.

– Это не мой дом, – быстро, словно отстраняясь от чего-то чуждого, прошептала Нина. – Мой там. – она неопределенно махнула в сторону. – Но бабушка туда никого не пускает.

– Если быть точной, то Софья Львовна тебе прабабушка.

– Она не любит когда ее называют прабабушка. И ты так

не говори, а то рассердится.

– Хорошо, – попыталась успокоить ее Варя. – Не буду.

– Смотри! – девочка обхватила своей ладошкой узкое запястье наставницы. – Она тут главная. Как скажет, так и будет. Даже Арик ее боится.

– Почему ты так думаешь?

– Он всегда глаза опускает, когда с бабушкой разговаривает. А когда ее нет – сутулится, если о ней говорят.

– Какая ты у нас наблюдательная!

Ниночка насторожилась и собралась, было, обидеться. Однако заметив бесхитростную улыбку девушки, смягчилась. Отчего-то она очень доверяла своей новой воспитательнице. Да, и бабушка быстро приняла Варю в дом, а мнение хозяйки все уважали. Безропотно. Чтобы не углубляться в семейные отношения, девчушка вернулась к интересующей ее теме:

– Варь, а ту тень в метро ты, правда, видела?

– Не веришь? – усмехнулась воспитательница, и попробовала его описать – Такой круглый, обросший, глаз почти не видно.

Девчушка промолчала, лишь нахмурилась брови.

– Он не с той картинки был, которую ты рассматривала. Давно в метро сидит, вот и злится. Его картинку уже пару раз новой поверх заклеили.

– Правда?

– Правда, правда! Нинка, ты спать собираешься? Я еще

почитать хотела.

– Так не честно! – демонстративно обиделась та.

– Все по-честному, – спокойно возразила воспитательница. – Чтобы быстрее вырасти, малыши должны спать больше. И не должны бояться всяких.

– Почему?

– Вот ты скоро вырастишь, и мальчики на улице тебе проходу не дадут.

Карие глазенки вопросительно уставились на Варю.

– Ты будешь очень красивой, и все будут предлагать познакомиться.

Глаза умоляли не останавливаться и продолжать.

– А со всякими мы знакомиться не будем. Мы на них даже внимания обращать не будем, а уж бояться и подавно не будем! А если что, и в глаз можно дать. Прости, я тебе этого не говорила.

– Научишь меня драться?

– Нинка, бабушка меня точно выгонит.

– Я ее давно прошу меня в школу карате записать, а она заладила. Скрипка, скрипка. Ненавижу!

– Что, кто-то пристает во дворе? – смягчилась воспитательница.

– В школе.

– Погоди, а ты в каком классе?

– В третий пойду. Не смотри, что я маленькая. Мне в сентябре будет семь, и я сразу во второй пошла.

Варя с интересом взглянула на свою подопечную.

– Мама обещала, если я на отлично закончу этот год, то купит для ноутбука большой монитор.

Девчушка осеклась, словно, заигравшись, с разбега налетела на запертую дверь. В ее больших карих глазах заблестели слезы, и тут же покатались сразу по обеим щекам на подушку. Это было так искренне, что у девушки ком подступил к горлу, и она сама чуть не расплакалась. Тут же. Навзрыд. В каком-то порыве Варя обняла воспитанницу, от которой сейчас почти ничем не отличалась. Прижав к себе ее маленькое тельце, она всем сердцем ощутила ее горькое одиночество в этом недобром мире. Чтобы как-то успокоить Нину, она зашептала ей:

– Это хорошо, что ты любишь и не забываешь маму. Только, ведь, и ей нелегко. Она же беспокоится за тебя. Оставив тебя тут не по своей воле, она места себе не находит, думая как помочь. Но теперь мы с тобой вместе. Отпусти маму. Скажи, что теперь тебя есть, кому защищать.

– Правда? – девочка сжала в объятьях свою наставницу.

– Ну, конечно. Пусть идет с миром. У тебя все будет хорошо.

– А почему я ее не вижу, как других? – очень серьезно спросила малышка.

– Мама еще не там, откуда можно приходить. Она в дороге.

– В тоннеле?

– Ты начиталась в Интернете всякой ерунды, – тихо произнесла Варя, стараясь говорить как можно спокойнее. – На самом деле никакого тоннеля нет. Просто, когда сердце останавливается, и мозг не получает питания, он по очереди отключает свои наименее значимые участки. Когда дело доходит до зрения, мышца хрусталика глаза без управления, расслабляясь рефлекторно, расширяется и создает иллюзию ярко освещенного тоннеля. Это последнее реальное ощущение. Если в этот момент сердце не заработает снова и не подаст обогащенную кислородом кровь в мозг, он умирает окончательно.

– Я не все понимаю из твоих слов, – медленно проговорила девочка.

– Главное, чтобы ты поверила, что мама тебя любит и тоже скучает. Отпусти ее сейчас. Она научится и сможет преодолевать барьер между мирами.

– Когда? – воспитанница даже привстала с кровати.

– Этого я не знаю. А, может, ты первая научишься. Если очень захочешь.

– Я очень хочу! – Нина в порыве чуть не вскочила с кровати.

– Тогда нужно тренироваться и соблюдать режим— Варя мягко удержала ее.

– И есть манную кашу? – неожиданно по-взрослому съязвила подопечная.

Что-то неуловимое появилось в ее взгляде, делая его се-

рзным и вдумчивым. Она не морщилась, не шурилась, пытаясь копировать старших, она как-то сразу превратилась из девочки во взрослого человека. Ни голос, ни манеры, ни мимика не изменились, но на собеседницу смотрел взрослый человек.

– Нинуль, – Варя была предельно серьезной. – Каждому судьба посылает испытания, и то, как он их преодолевает, определяет его будущее. Ты же понимаешь, что ты необычный человек. Значит, испытания предстоят необычные.

Их взгляды встретились, и девушка не сразу нашлась, что добавить.

– Давай-ка я тебе лучше сказку расскажу. Только потом, чур, спать!

Карие глаза моргнули в знак согласия.

– Давным-давно жил на Востоке великий царь. Звали его Осирис, и было у него огромное богатое царство. Правил Осирис справедливо, и все его уважали. Но вот беда, его младший брат по имени Сет, стал завидовать. Да так сильно, что решил убить Осириса, чтобы самому править. Когда подвернулся случай, он совершил злодейство. А чтобы старшего брата не нашли, расчленил его тело на десять частей и бросил в реку.

Варя посмотрела на свою притихшую слушательницу, но у той выражение лица не поменялось. Современные дети от таких подробностей под одеяло уже не прячутся.

– А еще в той Восточной стране жил волшебник по имени

Анубис. Он решил восстановить справедливость и оживить царя. Отыскал Анубис все части тела убитого Осириса и соединил их, как надо. Да вот беда, глаз бывшего царя он так и не нашел. Хитрый Сет бросил их на съедение крокодилам, а без них оживление было невозможно. Тогда мудрый Анубис подсказал вдове, как родить ребенка от убитого Осириса. Скоро у Исиды появился сын по имени Тот. Он попросил волшебника взять один глаз сына и отдать отцу, чтобы чудо свершилось. Анубис так и сделал, но хитрый Сет наложил очень сильное заклятье на тело убитого брата, и вернуть его в мир живых не смог даже волшебник.

Малышка, не мигая, смотрела на сказочницу.

– Тогда храбрый Тот сразился с коварным Сетом и убил его. Заклятие ослабло, но лишь наполовину. Осирис смог жить только в мире мертвых, которым и стал править, а своего брата-убийцу он заточил в самое глубокое подземелье. Храбрый Тот со своей матерью Исидой стали править в мире живых. Так одна царская семья правила двумя мирами. Живых и мертвых.

Девчушка, не шелохнувшись, молчала, ожидая продолжения. Когда же стало ясно, что на этом сказка закончилась, неожиданно спросила:

– А как они выходят из мира мертвых?

– Это уже совсем другая история! – попробовала сопротивляться наставница.

– Ну, пожалуйста, Варенька. А то я не засну.

– Ах, ты, хитрюга! Ладно, слушай... Врата мира мертвых охраняет собака с хвостом змеи и о трех головах. Зовут ее Цербер. Она очень злая и все про всех из мира мертвых знает, потому что ее головы сразу смотрят в настоящее, прошлое и будущее. Но вот беда, боится Цербер света.

– Как вампир? – предположила Нина.

– Нет. Вампиров вообще нет. Это все выдумки тех, кто видит плохо. Есть только тени. Только они могут проскользнуть мимо цербера.

– Почему?

– Потому, что тень появляется только от света, а его Цербер боится.

– Откуда же в подземелье свет?

– В этом и сила тех из мира мертвых, кто умеет его создавать впотьмах.

– С помощью заклятий?

– Нет, ну вы только посмотрите на нее! – всплеснула руками Варя. – Это не ребенок, а детектив какой-то...

– Я не ребенок, – тихо и очень серьезно произнесла девочка. – Мне нужно во всем разобраться... В то воскресенье, когда мама с папой собирались ехать в гости...

Нина замолчала, глядя куда-то вдаль, словно пытаясь там что-то рассмотреть.

– Ты говоришь о том злополучном дне, когда они... Больше не вернулись?

– Да. Они не захотели брать меня с собой. Я так обиделась

на них, потому что в доме наших знакомых, куда они собирались ехать, был терьер Тэдик. Мы с ним дружили и всегда играли подолгу...

– И ты осталась в своей комнате, обидевшись на весь белый свет, и что-то видела?

Девочка удивленно округлила глаза, пытаясь понять, откуда ее наставница так осведомлена. Но Варя, остановила ее вопрос жестом, давая понять, что это не важно, и лучше не прерывать рассказ из-за таких мелочей.

– Да, я сидела на подоконнике, глядя, как они что-то укладывают в машину, и злилась на родителей... Потом из стены появился этот... Он показал рукой на машину и покачал головой.

Нина умоляюще сцепила ладошки у себя на груди, глядя прямо в глаза своей наставнице.

– Если бы я только знала...

– Тихо, тихо, девочка моя, – Варя погладила ее по кудряшкам. – Твоей вины тут нет. Совсем нет... Думаю, что причина гибели родителей совсем иная.

– Но этот, из стены, предупреждал меня. Он качал головой. Нельзя им было ехать! А я...

– Видишь ли, дружок, все уже было предрешено, и случилось бы рано или поздно. А предупреждали именно тебя. Иначе бы остановили твоих родителей.

– А почему их не предупредили? – слезы опять переполнили карие глаза.

– Уже ничего нельзя было изменить. Книгу судеб нельзя переписывать.

– А как же я... Теперь...

Маленькие ладошки закрыли глаза от этого несправедливого мира. Любящее сердце не хотело соглашаться ни с чьей-то злой волей, ни с книгой судеб, ни со странным законом, запрещающим все исправить или, как говорят дети, «переходить».

– У тебя есть предназначение. Тебе дано понять, что так повлияло на твою судьбу и кто стоит за всеми печальными событиями.

Испуганный взгляд был красноречивее любого ответа.

– Только не говори мне, что ты маленькая, что ты боишься теней, что ты хочешь только играть в куклы. Запомни, никто тебя не будет заставлять. Ни я, ни бабушка. Насколько я понимаю, Софья Львовна не видит тени, но какие-то догадки или подозрения у нее есть.

Варя, ласково погладила черные кудряшки и спокойно продолжила.

– А вот тебе, дружок, дано их видеть и понять. Вопрос только в том, захочешь ли. Это главное. Ведь на свете время от времени появляются люди, рожденные с самыми разными необычными способностями. У одних особое зрение, другие слышат чужие мысли, третьи по запаху определяют прошлое, иные на ощупь продвигаются во времени, а есть и такие, кто вдруг узнает то, что было написано или сказа-

но очень-очень давно, встречаются и такие, кто может всем приказывать делать то, чего бы они никогда не захотели. Да мало ли. Все эти особенности не измерить обычными мерками, и тогда... Кто-то пугается увиденного, и осознанно отказывается от непонятной способности еще в детстве, кто-то пытается использовать подслушанное в корыстных целях и его останавливают, у кого-то ощущения просто дремлют всю жизнь за ненужностью. И лишь единицы целеустремленно развивают свои способности, четко зная, чего хотят.

– Я хочу вернуть маму... Это можно?

– Нет. Вернуть никого нельзя. А вот найти причину, покарать злодея и отпустить маму с миром можно. Еще можно научиться вызывать тени и говорить с ними. Это не совсем правильно с точки зрения устройства этого мира, но поступать так позволительно, если ты никому не мешать или пресекаешь несправедливость. Этому не учат в школе и не обсуждают в книгах, но есть тайные рукописи.

– Почему тайные?

– Потому что на необычных людей всегда охотились, как на редких животных, а рукописи о развитии способностей были ценнее золота. Во все века их пытались заставить работать на царей или сжигали на кострах.

– Зачем? – не поняла Ниночка.

– Страх. Обычный страх перед неизвестным. Вот, например, ты видишь человека, идущего к тебе навстречу по улице. Он выше, сильнее тебя, и ты на всякий случай посторо-

нишься, уступая дорогу. Он тебе не угрожает, но ты видишь его широкие плечи и сильные мускулы под одеждой. Возникает чувство опасности. А если тебе в дремучем темном лесу вдруг покажется, что кто-то огромный и сильный крадется сзади? Страх погонит прочь. Что есть духу. Люди всегда боятся того, что не понимают. Причем всегда окружают неизвестное им явление различными легендами и сказками. Ну, чтобы хоть как-то объяснить. И если еще совсем недавно сказки были только в книгах, то теперь с помощью компьютеров их сделали такими реальными, что маленькие девочки воспринимают ужастики наравне с музыкальными новостями.

– Значит, я ненормальная?

– Наоборот, ты самая обыкновенная... за некоторым исключением. И это нужно ценить и развивать. Вот послушай. Есть обыкновенные люди, но среди них кто-то самый красивый, кто-то самый ловкий, кто-то самый сильный, кто-то самый быстрый... Люди устраивают разные соревнования, чтобы определить чемпиона. А ты уже родилась чемпионом. Понимаешь?

Большие глаза, не мигая, смотрели на воспитательницу. Очевидно, такой разговор у нее был впервые в жизни.

– Варь, ты разговариваешь со мной, как со взрослой, – призналась девочка. – Но я все понимаю. Даже странно. Ни мама, ни учителя, ни воспитатели никогда так со мной не говорили. Почему?

– Потому что тебе нравится быть маленькой. За тебя все решают и за все отвечают. Ты хорошенькая куколка. Можешь быть веселой или капризной, но не более того. Повзрослеешь, когда сможешь хотя бы себе самой четко сказать, чего ты хочешь в этой жизни добиться.

– Я хочу разговаривать с мамой, а слушать чужие мысли не хочу.

– Видишь ли, дружок, одного желания тут мало, – воспитательница развела руками, показывая, что это не изменить. – Многие хотели бы обладать таким даром, как у тебя, но им не дано. А те, у кого он есть, будут нести этот тяжкий крест, как бы они не закрывали глаза или не надевали темные очки.

– Я боюсь этих теней...

– Знаю, – кивнула Варя, – я видела в метро. Но очертания теней не всегда соответствуют их намерениям.

– Как это? – насторожилась подопечная.

– Надеюсь, ты была на каком-нибудь костюмированном балу, и понимаешь, что костюмчик зайчика или лисы надел твой товарищ, а под шубой Деда Мороза или Снегурочки прячется твой школьный учитель?

Нина скорчила обиженную рожицу, показывая, что уж это-то она отлично понимает.

– Есть еще театр теней, в котором актеры с помощью рук и небольших предметов перед лампой ловко изображают на экране целые спектакли. Зрители заранее соглашаются с тем,

что они видят на экране не то, что есть на самом деле. Так и в реальной жизни. Вот только те, кто вызывает тени, обладают разным мастерством. Одни кроме лохматого чудища ничего показать не могут, а другие клыки и когти спрячут, да невинным ягненком прикинутся.

– Зачем? – испуганно прошептала девочка.

– Здесь мне бы полагалось по закону жанра зарычать страшным голосом: «Что бы съесть тебя...» но я не буду этого делать. Ладно?

– Ладно... – в карих глазах еще остался испуг.

– Просто не разговаривай с теньями, если они тебе неприятны. Не обращай на них внимания. Отстанут. А главное, попробуй сосредоточиться на том, кто указал на машину родителей перед их последней поездкой. Запомнила, как он выглядел?

– Не очень, – призналась Нина. – Он когда из стены появился, я так испугалась...

Варя ласково улыбнулась и погладила маленькую ладошку.

– Когда человек пугается, он способен на большее, чем в спокойном состоянии. Правда, только если он воин. Знаешь, как раньше воеводы выбирали себе ратников?

Черные кудряшки мотнулись по подушке следом за отрицательным движением головы.

– Воевода приглашал кандидата за стол перед собой, угощал чем-нибудь, вел неторопливую доброжелательную бесе-

ду. А по его незаметному сигналу кто-то из воинов подбегал с диким криком к претенденту сзади и острой саблей со свистом срезал пару волосинок с головы гостя.

– Зачем?

– Это был экзамен. Если испытуемый побледнел, моргнул, онемел от страха – не воин. А напряжился, румянцем пошел, а то и в сторону увильнул – прирожденный боец. Такой и во сне оружие выхватит, если опасность рядом.

– Варенька, миленькая, – вскинулась к ней девочка, – возьми меня в ратники! Научи драться... Ну, или испытай сперва.

– Это лишнее, – искренне улыбнулась наставница. – Я вижу, что ты воин. Только сама еще не веришь в это.

– А как ты видишь?

– Не глазами, – смутилась воспитательница.

– И я могу научиться кирпичи кулаками разбивать? – Нина просто подпрыгнула на кровати. – Как каратисты в кино?

– Нет, кирпичи мы оставим каратистам, – улыбнулась няня.

– А как же... в глаз? – чуть не плача пробубнила послушница.

– Ну, это святое, – Варя прикрыла рукой рот, чтобы не прыснуть со смеху. – Давай-ка лучше спать. Утро вечера мудренее.

– Вот так всегда! – попробовала протестовать маленькая воительница.

– Нет, сегодня будет не как всегда, – строго пресекала ее возмущения няня. – Ты закроешь глаза и постарайшься вспомнить все-все о том воскресенье, когда родители собирались в последнюю свою поездку. Начни с самого утра. С того момента, который был всегда одинаков. По выходным вы завтракали вместе?

– Да, мама очень любила, когда мы втроем садились на кухне. Она всегда готовила что-нибудь вкусненькое и просила не торопиться.

– Вот и чудесно. Вспомни все до мельчайших подробностей. Какая была скатерть, что приготовила мама, что вы говорили... Ты быстро заснешь, и то воскресенье повторится в сознании. Пожалуйста, будь спокойна, это будут просто воспоминания. Когда ты опять будешь сидеть на подоконнике, и появится тень, ты все запомнишь. Знай, тень твой друг, потому что она предупредила об опасности. Постарайся спросить, как ее зовут, чтобы обращаться по имени. Это важно. И запоминай. Все-все запоминай. Поверь, тебе все под силу.

– Это мой экзамен? – неожиданно серьезно спросила девочка.

– Только если ты решила стать воином.

– Я не побледнею и не зажмурюсь, – взгляд карих глаз был полон решимости.

– В таких случаях всегда говори без отрицания, – поправила ее Варя. – Я все увижу, все пойму. Я буду готова ко всему и одолею любого врага.

Она сжала губы и кивнула.

– И почаще повторяй одну фразу – «я все вижу». Особенно с закрытыми глазами.

Ниночка сомкнула веки, и губы ее зашевелились. В отличие от многих своих предков, повторяющих в ночной молитве вечные слова покорности и раскаяния в грехах перед Господином, девочка шептал нечто иное.

Глава III

Черноглазая красавица-ночь, словно услышав призывные аккорды андалусийской гитары, взметнула вверх тонкие руки и щелкнула незримыми кастаньетами, а сумрак, подобно пышным юбкам ее воздушного черного платья, заполнил площади и улицы старого города, красовавшегося вокруг бухты на берегу Средиземного моря. Граница дня и ночи едва уловима в современной суете, но те, для кого это таинство не секрет, каждый раз получают удовольствие, наблюдая переход в совершенно другой мир. Именно так. Правда, это дано не многим. Погруженные в свои повседневные дела, никогда не увидят чуда в том, что происходит каждый вечер. Но это не зависит от них. Настоящие чудеса не нуждаются в зрителях, как на представлениях фокусников. Чудеса живут своей жизнью.

Сначала медленно, но не робко или застенчиво, а от сознания своей необычности – величественно, красавица-ночь заполняет собой все вокруг, преображая и наполняя новым смыслом. Не случайно они с труженником-днем мужского и женского рода, каждому присущи противоположные черты. Их перечисление займет слишком много времени, а танцовщице в черном платье, чьи пышные юбки стремительно развиваются в такт ее страстным движениям, нравоучения скучны. Незримые кастаньеты и звонкие аккорды гитары уже

выводят знакомую мелодию. Это фламенко. Только здесь он звучит по-настоящему, в остальных местах он скован, как в неволе. Ему нужны гулкие узкие извилистые улочки, сбегаящие с холмов к морю. Они вымощены особым камнем, способным отзываться на перестук крепких каблучков. Ударят ловкие пальцы по струнам андалузийской гитары, и тут же отзовется дробь каблучков. Что там сцены, подмостки театров и концертных залов, где перед чопорной публикой, убаяванной мягкими креслами, танцовщицы пытаются исполнять фламенко! Увы, там этот танец невольник, ибо душа его живет только на брусчатке Барселоны.

Красавица-ночь это знает. Каждый вечер, начиная свой завораживающий танец, она покоряет светлый мир, и он опускается перед красоткой на колени, потому что понимает, ему не устоять. Темный мир живет не разумом, но сердцем, и превыше всего ставит любовь. Эта богиня властвует безраздельно. Ей покоряются и ее превозносят без храмов, соборов и монастырей. О ней грезят с детства, и ее вспоминают на смертном ложе. Любовь – лучшее, что дано Создателем смертному. Днем, когда разум преобладает над человеком, он пытается придумать себе иного Господина, называя его на разных языках разными именами. Смешно и грустно. Единая религия и единая Госпожа давно есть у каждого. Любовь живет в душе каждого еще до рождения. Мать и дитя любят друг друга, и весь мир сосредоточен для обоих в них самих. Так Создатель пытается научить смертных единственной ре-

лигии, которая нужна людям. И это настоящее. И это на всю жизнь. И это умеет каждый. Нет первородного греха, есть самая первая любовь, и ей не нужны Талмуд, Коран или Библия; святые отцы, выдуманные обряды или жертвоприношения. У человека есть душа. Она всегда подскажет, откроется на встречу и простит. Никто так не умеет любить и ненавидеть, как обладающий душой. Никто не умеет так прощать, как душа любящая.

Красавица-ночь сверкает черными очами, в которых хочется утонуть. Нет сил сопротивляться, да и незачем. Вместо молитв звучит гитара, вместо поклонов – огненное фламенко, вместо попов – стремительная байлаор. Темное трико обтягивает ее соблазнительный торс, закрывая от шеи до ладоней. Нет обнаженного тела, но есть огненная страсть танца. Оборки и воланы пышными волнами выются за байлаор, но ее уже там нет. Это только след той, что умеет любить страстно, ненасытно, безгранично. Долой кастаньеты, и трепетные кисти изящных рук начинают свой монолог. Не нужны толмачи, все понятно без слов. Фламенко впитал в себя традиции мавров, обычаи индусов, свободолюбие цыган, лукавство иудеев и неукротимость испанцев. Для любви не существует вавилонской башни, это порождение дневного разума. Мелькнул в руках байлаор веер, и монолог окрасился новыми яркими фразами. Какое богатство! Смотрите и наслаждайтесь, ваша душа все поймет. Когда же кантаор с надрывом зайдет на самых высоких нотах, выводя голосом

не слова, а невообразимый восторг, и ритм каблучков будет соперничать с бешеным темпом струн, взметнется красная шаль с длинными кистями. Тут вы почувствуете непреодолимое желание вскочить со своего места и ринуться в танец. Не сдерживайтесь. Это ваша душа отозвалась на голос Госпожи вашей – великой и единственной царице по имени Любовь.

Когда красавица-ночь наполнила собой город и тысячи огней украсили его дома, на улицах и площадях стало многолюдно. Летом испанцы ведут преимущественно ночной образ жизни. В послеобеденное пекло большинство остается дома. Сиеста затягивается до пяти вечера, после чего возобновляется рабочий ритм. Оживают стройки, магазины и предприятия. Только вездесущим туристам этот закон не писан. Они хотят везде успеть за те несколько дней, что подарила судьба для отдыха, и никакая жара или местные традиции не остановят их. Недобрым словом вспоминают приезжих работники туристических фирм, отелей, сувенирных лавок и огромных супермаркетов, но они нужны друг другу.

У тонированного окна кабинета на семнадцатом этаже бизнес-центра в деловом квартале Барселоны стоял мужчина в строгом светлом костюме. Высокий, смуглолицый, темные волосы аккуратно подстрижены. Он умел и любил элегантно одеваться. В платяном шкафу его кабинета всегда было

несколько костюмов и обувь, которые он носил только в офисе. Подобно опытной женщине, знающей толк в украшениях, он тщательно подбирал для себя одежду, которая подчеркивала его фигуру. Он относился к одежде, как к драгоценным камням, которые притягивают взгляды окружающих, не акцентируя внимания на лице или руках их обладателя. На юге, где столько соблазнов, трудно сохранить стройность и юный овал лица. Эта постоянная борьба с удовольствиями и неминуемыми их последствиями вынуждает маскироваться. Коллегам свою необычную страсть к одежде мужчина объяснял профессиональными секретами общения с клиентами. И надобно сказать, что дела его шли отлично. Несмотря на тяжелые времена затянувшегося мирового кризиса, фирма сохранила свои позиции, и это давало повод ненадолго расслабиться в конце рабочего дня. Было приятно представить себе, будто несравненная Барселона покорно стелет к его ногам свой ковер из разноцветных огней.

Взгляд мужчины отыскал высокие шпили собора "Святого семейства", которые эффектно подсвечивались снизу, отчего казались яркими пиками, устремленными в черные небеса. Названные в честь Спасителя, Марии и апостолов, они словно стояли на страже творения великого Гауди, оберегая островок светлого мира от темноты. Впрочем, это было напрасно. Никто кроме самих людей на протяжении века его затянувшегося строительства не посягал на собор, который то строили, то разрушали, то восстанавливали. Вечная

проблема финансирования теперь отчасти была переложена на плечи туристов. Каждый посетитель гордо сознавал, что и его посильная лепта останется на века, воплощая в каменной фантазии непревзойденного Антонио.

Огненная река бульвара Лас Рамблас пересекала Барселону от высокого холма к самому порту. Некогда высохшее русло реки постепенно стало самым веселым местом города. Сейчас по ярким световым рекламам мужчина отыскивал на бульваре свой любимый ресторанчик и магазин женской одежды, где работала знакомая по имени Тереса. Они встречаются по пятницам и подолгу гуляют среди приезжих. Там просто затеряться, не боясь случайно встретиться с кем-нибудь из знакомых. А вон и площадь Каталонии. Она никогда не спит. Медленно, словно светлячки, огибают ее по кругу фары машин, растекаясь в стороны по прилегающим улицам Фонтанелья, Пасеч де Грасия или дальше по Лас Рамблас.

Приглядевшись, мужчина заметил крохотные огоньки, медленно плывущие над городом. Это кабинка канатной дороги. Он усмехнулся, подумав, что отважных туристов не предупредили, о том, что антикварные кабинки, как и сама канатная дорога, еще ни разу не ремонтировалась за восемьдесят лет своего нелегкого труда. Конечно, заманчиво подобно чайке зависнуть над ночным городом, рассматривая море огней под ногами, но когда восторг постепенно сменит волнение, а затем придет страх, тут уже не до красот и достопримечательностей. Статуя Колумба на шестидесяти мет-

ровой металлической колонне покажется нелепой, а "воздухоплаватель" в кабинке, раскачивающейся на невидимом в темноте канате, ощутит себя самым несчастным и обманутым человеком в мире. Вот поэтому Кристобаль жестом зовет всех, смотрящих на него снизу, на морские просторы, а не вверх. Впрочем, толпящимся на остановке канатной дороги у крепости Монжуик это только предстоит испытать. Пока они лишь ощущают свежий морской бриз и слушают шум волн, разбивающийся о валуны у подножия обрыва, отвлекаясь на захватывающий рассказ гида о пятиконечной крепости, возведенной в давние времена для охраны города от мавров, впоследствии перешедшей в руки Бурбонов и ставшей символом оккупации, а затем и вовсе служившей тюрьмой при Франко.

Справа вспыхнуло разноцветными огнями водяное облако Поющих фонтанов. Сегодня четверг. Летом четыре последних дня недели прохладные струи, подсвеченные радужными огнями, отплясывают свои замысловатые "двадцатиминутки" под музыку Бетховена, Чайковского и Баха. Смотреть на это захватывающее представление можно бесконечно.словно языки разноцветного пламени, управляемые незримым кочегаром из преисподней, струи фонтана взмывают в такт чарующей музыки в черное небо. Это красиво. Огонь и вода всегда завораживают.

У мужчины запершило в горле. Захотелось курить. Рука автоматически потянулась в карман модного пиджака,

где лежала пачка "Фортуны", но остановилась на полпути. В офисе курить запрещалось, а идти сейчас в курительную комнату, где кроме гудящих кондиционеров в это время никого нет, не хотелось. Его "Фортуна" предполагала общество, вернее неторопливую беседу, когда выпуская тонкую струйку, можно выдерживать паузу или прятать взгляд, прищуриваясь от дыма. Сигарета в разговоре, особенно деловом, это палочка-выручалочка, и тот, кто владеет ею более искусно, одерживает верх. "Фортуна" всегда выручала мужчину. Вообще, в его жизни было много необычного и, как он верил сам, мистического. Вот, взять хотя бы его имя. Оно, несомненно, определило необычность его судьбы.

Согласно традиции, имена и фамилии в Испании могут быть абсолютно необычны и многословны. Это определяется фантазией родителей. Другое дело – регистрация. Согласно испанскому законодательству в документе может быть только два имени и две фамилии. А если, например, клерк не сможет однозначно определить из имени пол ребенка, он вправе отказать в регистрации. У себя дома называйте свое чадо, как угодно, а документ дело серьезное. Поэтому два первых имени по традиции стандартны. Первое имя мальчику дается по отцу, второе – по деду. У девочек, соответственно, по женской линии. Полное имя мужчины, разглядывающего ночную Барселону, звучало так: Владимир – Анхель – Хосе – Луис – Рамон. В паспорте же значилось, что сорокалетний уроженец Таррагоны Хосе-Луис Мартинес-Мороз

еще холост и зарегистрирован в родном городе на улице Сан-Антонио, 23. Вернее, в том старом доме, что стоял неподалеку от кафедрального собора, проживала его мать Пилар-Гомес Диас. Но это было официально. На самом деле последнее время Мартинес-младший жил в Барселоне, а родственники и друзья звали его Влахель, с ударением на последнюю гласную. Только покойный отец частенько очень серьезно обращался к сыну, называя его Владимир Великий. Он верил в мальчика и пророчил ему замечательное будущее.

Дело в том, что в 1936 году, когда франкисты подняли мятеж против законного правительства, дедушка Анхель, как высокопоставленный чиновник министерства финансов, отбыл в Москву, сопровождая золотой запас Испании. На эти деньги СССР в течение трех лет поставляло вооружение и своих военных специалистов в Мадрид. Вплоть до падения республики. Все это время семья товарища Мартинес жила на столичной улице Горького, где морозным январским утром 1941 года у испанского эмигранта родился мальчик по имени Родригес – Владимир. Второе имя было дано в честь вождя мирового пролетариата, но не было внесено в документы в целях конспирации. Зато уж сыну своему, родившемуся в 1970 году, это имя и память о русских морозах Родригес передал с гордостью. Он очень любил мальчика, выделяя его, как наследника, поскольку остальные трое детей были девочками. Впрочем, если быть честным, Влахель не стал мачо – над ним тяготело "женское" воспитание. Он унасле-

довал мужественные черты лица своих предков, но отнюдь не мужской характер. За глаза сослуживцы частенько называли его "Рахель" передразнивая уменьшительное домашнее имя Влахеля на женский манер. А имена, как известно, сильно влияют на наши судьбы.

Влахель всегда прилежно учился, осваивая фамильную профессию финансиста. Отцовские связи и память некоторых столичных функционеров о славном прошлом деда помогали карьере. Однако у него не было такой поддержки в общении с прекрасным полом. Ему не составляло труда завязать знакомство с какой-нибудь красоткой, но через месяц они расставались. Была ли тому причиной его бережливость или чрезмерная мягкость, Влахель не знал. Он умел нравиться, негромко и уверенно говорил, разбирался в цветах и никогда не путал предпочтения своих избранниц, но они все равно покидали несостоявшегося кабальеро.

Подобно средневековым дворянам или рыцарям, которые превыше всего ценили честь фамилии и уважительное отношение к семейным традициям, Мартинес-младший искал даму сердца. Будь рыцарские поединки в наше время, он вряд ли преуспел в них, но вот грамотно распорядится сбережениями, вложить их в надежное дело и получать доход, пусть небольшой, но стабильный, он мог в совершенстве. Очевидно, профессия накладывала свой отпечаток на его взаимоотношения с женщинами. Хосе-Луис признавался себе, что он мог взглянуть иногда на обладательницу стройно-

го шоколадного тела, как клиентку, чьи средства он собирался выгодно вложить. Но это бывало редко. В остальном же он старался вести себя как настоящий мачо. Подарки, пусть не дорогие, но с намеком; поездки на выходные, пусть не во Францию или Италию, но очень интересные; романтические вечера, пусть не в дорогих ресторанах, но с вполне приличной кухней. Ну, не мог же он тратить бешенные деньги на понравившуюся женщину. Другое дело – жена, тогда может быть.

Что же касается цветов, то Влахель знал в них толк и мог составить букет по всем правилам флористики, демонстрируя даме свои пылкие чувства. Однако зачастую он со своей очередной пассией говорил на разных языках. Проходила пара месяцев знакомства, и все надежды рушились. Впрочем, были и такие претендентки, что доходили до знакомства с мамой. Тогда они приезжали вдвоем на взятом Влахелем напрокат кабриолете в родную Таррагону, и Пилар-Гомес готовила свою знаменитую паэлью. Дорогая мама, как и вся семья Диас, были родом из Валенсии, и считались непревзойденными мастерами этого блюда из риса, морепродуктов и курицы. Особая заправка из оливкового масла, мускатного ореха и шафрана была семейным секретом всех, живших долгие годы на улице Сан-Антонио, неподалеку от кафедрального собора.

Замечательный вечер на прохладной террасе в старом доме, к строительству которого приложили умелые руки все

мужчины семейства Диас, всегда проходил в рамках старых традиций. Настроение, окружающая мебель, посуда и приготовленная мамой паэлья всегда вызывали слезы умиления у Хосе-Луиса. Он ощущал себя законным наследником двух старинных испанских фамилий – Диас и Мартинес, и вел себя подобающим образом. Правда, в течение такого вечера в похвалах и комплиментах рассыпались только гости. Суровый и опытный взгляд Пилар-Гомес всегда быстро разоблачал охотниц за приличными мужьями, особенно потому, как эти дамочки говорили и ели. Ни одна из приезжих штучек не прошла экзамен успешно. Но разве мог любящий сын перечить матери. Святая женщина! Она всегда права. Да и сорок лет для холостяка вполне прилично в наше время. Теперь даже женщины в эти годы стремятся делать карьеру, а не родить к тридцати троих детей, как это было в прежние времена.

Сегодня был четверг, и Влахель должен был зайти в бар на углу улиц Аугусты и Либертат. Именно должен. Эта странная история тянется много лет. Помнится в 1996 году, когда еще был жив отец, в их старый дом на улице Сан-Антонио приехал давний друг Мартинеса-старшего. Важный гость из Мадрида долго беседовал с отцом за стаканчиком хереса. Поздно вечером, прощаясь со всеми членами семьи Мартинес, гость, по-отечески потрепал по щеке тогдашнего менеджера местного отделения столичного банка, пообещав

приятные новости. Так и случилось. Через несколько месяцев Влахель переехал работать в Барселону, став директором небольшой посреднической фирмы под названием "Эсмеральда".

Он был так счастлив, что не придавал особого значения тому, что в учредительных документах владельцем компании значился неизвестный ему господин Гридман из России, а в конфиденциальном соглашении к договору о найме на работу Хосе-Луис обязался руководствоваться в своих действиях директивами, которые он будет получать от владельца. Первый год прошел абсолютно спокойно. "Эсмеральда" удачно вошла в посреднический бизнес в сфере управления активами не очень богатых сограждан и фирм. Клиентская база постепенно росла, сделки набирали обороты, а полученная прибыль позволила переехать в солидный офис, набрать приличный штат и зарекомендовать себя как надежного партнера. Никаких ограничений или давления со стороны реального хозяина не ощущалось, и Влахель убедил себя в том, что это один из тех богатых русских, коих теперь немало появилось в Испании. Они покупали хорошие квартиры в столице и на курортах, дорогие дома и яхты на побережье, вкладывали немалые средства в транспортные компании, доставлявшие весь год свежие продукты для Европы. Мартинес-младший не удивился, когда среди клиентов "Эсмеральды" словно по чьей-то команде появилось три десятка хороших клиентов, работающих в одной из новых компаний Ла

Пинеды.

Этот маленький городок в сотне километров от Барселоны имел добротные причалы для танкеров и нефтеперерабатывающий комплекс. Иногда по дороге в Салоу, куда Влахель любил прокатиться с очередной знакомой, чтобы покупаться на бескрайних пляжах и подурачиться в аквапарке, он проезжал мимо этого черного монстра с пугающим переплетением труб. Возникший в период нефтяного кризиса шестидесятых, перерабатывающий комплекс получил новый толчок в своем развитии уже в конце девяностых. Тогда в Ла Пинеде неожиданно появилась огромная частная компания "Гефест", получившая в свою собственность десятки новейших танкеров из России и крупнейшие контракты по перевозке нефти из Новороссийска и Туапсе. Поговаривали, что это бывшие хозяева-коммунисты выводили из разваливавшейся страны свои активы. Кто знает. Однако, при "Гефесте" появились новые рабочие места, налоги потекли в местную казну, а "Эсмеральда" получила очень хороших клиентов. Правда, все они были похожи друг на друга, как близнецы – русские, купившие недвижимость в Салоу, внесшие большие деньги в развитие "Гефеста" и, главное, переводившие средства на свои счета в "Эсмеральду". Регулярность и размер этих переводов говорили о том, что это не только солидная зарплата, но и огромные бонусы от сделок. Поначалу Влахель чувствовал себя очень неудобно. Он перепроверял все финансовые документы от "Гефеста", но с точки зрения за-

кона нарушений не было. Директор "Эсмеральды" понимал, что-то кто-то прятал огромные деньги от торговли нефтью в "заграничный" карман, но Испании это было выгодно. Законопослушные иностранцы вкладывали большие средства в экономику чужой страны, чтобы потом стать ее добропорядочными и состоятельными гражданами. Они редко появлялись в купленных ими домах и рабочих кабинетах, где кто-то работал за них, но хозяева издалека зорко следили за своими деньгами. Мартинес-младший частенько видел запросы на выписки по счетам клиентов из "Гефеста", но тут был полный порядок. Хосе-Луис знал свое дело и отработывал зарплату на все сто.

Рассказы отца об огромной богатой России, затерявшейся где-то на заснеженной окраине Европы так и остались для Влахеля чем-то нереальным, но вот некоторых русских теперь он знал лично. Это были солидные клиенты, не скупившиеся на личные бонусы сверх всех установленных комиссионных при удачных сделках. А сделки благодаря русским становились все масштабнее. Западный мир побаивался русских медведей, но охотно брал деньги от "Эсмеральды". Небольшая посредническая компания из Барселоны приобретала для своих клиентов акции самых известных и надежных мировых корпораций. Дела шли просто замечательно.

В 2002 году, когда собственный капитал фирмы и ее ре-

путация достигли солидного уровня, Хосе-Луис неожиданно для себя получил письмо из Лондона. Некий господин по имени Ариэль сообщил, что будет рад встрече с директором по одному важному вопросу и предложил поужинать в самом дорогом ресторане Мадрида. Письмо было на английском, деловое и строгое, но пригласительный билет в конверте привел Влахеля в священный трепет. Ресторан "Белый лотос" был негласным Олимпом финансового мира Испании. Не только цены отпугивали от дверей всех любопытных лучше всякой охраны, хотя и ее там было предостаточно. Войти в заветный ресторан без такого пригласительного было невозможно. Директор "Эсмеральды" с замиранием сердца долго рассматривал небольшую открытку из плотной бумаги. Выполненное в стиле ретро изображение старейшего банка страны с короткой вежливой фразой, отпечатанной витиеватым шрифтом, и дата. Скромно. Правда, на обратной стороне был выбит номер. Ресторан не спрашивал никаких имен, только номера, как на банкнотах.

Вот оно незримое могущество денег. Многие состоятельные коллеги наперегонки стали бы предлагать Хосе-Луису солидные суммы за эту маленькую открытку, покажи он ее кому-нибудь. Ни сам Мартинес-младший, ни его компаньоны никогда не ужинали в "Белом лотосе". Они только слышали и пересказывали байки о загадочных посетителях того ресторана, мечтая втайне побывать в нем хоть разок. Ходили слухи о том, что хозяин "Белого лотоса" заказал специ-

альный станок и бумагу к нему на монетном дворе Испании, чтобы печатать пригласительные билеты. Аппарат находится в потаенной комнате-сейфе и охраняется, как печатный станок национального банка страны. Так ли это было на самом деле, никто не знал, но такой пригласительный был ключиком в высшие сферы финансового мира, где текли денежные потоки, способные смести на своем пути небольшую страну.

Глава IV

Озорной утренний ветерок с Финского залива бесцеремонно дергал косматый туман, еще дремавший в изгибе Фонтанки. Одряхлевший красавец Питер не торопился просыпаться. Унаследовав в раннем детстве привычку европейских аристократов к полуночным кутежам и роскошным балам, он не хотел с ней прощаться. Прогретая августовской жарой вода в реках и каналах северной столицы, ежилась от утренней прохлады и натягивала на себя пышное одеяло густого тумана, собираясь еще немного подремать. Однако ветерок не сдавался, он прорывался сквозь молочную пелену, прильнув к гранитным плитам набережной, отчего на воде, словно гусиная кожа, появлялась рябь. Туман злился и начинал клубиться сильнее, пытаясь запугать неугомонный ветерок, но тот и не думал отступать. Его озорные порывы рвали туман в клочья и уносили в переулки, выходившие на набережную. В их извилистых, на первый взгляд беспорядочных рукавах, могло исчезнуть все на свете.

Желанная утренняя прохлада проникала не только в распахнутые настежь окна жилых домов Питера, но и в святые обители. Отгородившаяся от мирских проблем толстыми стенами, братия страдала от непомерной жары этого лета не меньше грешных горожан, которым монашеский устав был неписан. Посвятившие свою жизнь служению Господу,

мужественно переносили все тяготы и продолжали молиться во спасение. Особенно усердно они молились по утрам, когда жара еще не донимала. Впрочем, многие с завистью смотрели на звонарей, которые утверждали, что по утрам явственно ощущали прикосновение божьей благодати. Им трудно было не поверить. Едва солнце начинало золотить купола оживших в последнее время храмов, ветерок с Фонтанки забирался под длинную рясу, принося облегчение намавшемуся за душную ночь брэнному телу, и все звонари, как один, просто творили чудеса. Привычные мелодии звучали по-особенному, затрагивая какие-то душевные струны, которые тут же откликались, рождая благодное ощущение. А колокольный звон растекался упругим осязаемым потоком по окрестностям, будоража воображение горожан.

Поначалу пробудились ото сна церкви и соборы, стоящие неподалеку от Фонтанки. Первым ветерок принес негромкий голос Крестововоздвиженского прихода. За ним словно ручейком по прямому Лермонтовскому проспекту стекал в Фонтанку с Египетского моста перезвон Исидоровской церкви. Следом заспорили голос со звонницы Александра Невского и, разогнавшийся по каналу Грибоедова, басок с колокольни на Никольском Морском соборе. Оба берега, словно соревновались друг с другом. К ним присоединился солидный голос Троицкого собора, а в ответ по Невскому проспекту покатались солидные раскаты с Казанского. Хотя кафедральный собор находился поодаль от Фонтанки, и его коло-

кола были искусно укрыты в солидном здании, а не красовались на колокольнях, тем не менее, остаться в стороне он никак не мог. И катился по Невскому, словно по большой трубе, его сочный бас. Тут же с противоположной стороны заговорила трехъярусная колокольня святого Симеона и Анны Пророчицы. Стоящий напротив цирк Чинизелли права голоса в этой переключке не имел, но за него ответила церковь в Михайловском замке. Следом, словно эхо, отозвалась колокольня на Пантелеймоновском приходе.

Негромкий, мелодичный и удивительно гармоничный перезвон православных храмов глубоко проникал в душу. Непостижимо, как умели старые мастера отливать эдакие подборы колоколов. В пару нотных строк вкладывали они печаль и радость, веру и надежду, и еще что-то очень светлое, понятное любой русской душе. Утренние голоса со звонниц неторопливо растекались вокруг и медленно таяли в близлежащих переулках, но те, что тупо утыкались в Фонтанку, еще долго бродили в ее тумане от Лоцманской до Кутузова. При этом казалось, что набережная Фонтанки была спроектирована словно большой музыкальный инструмент, где колокольный перезвон резонировал, усиливался и приобретал какую-то мистическую окраску. Многоголосье эхом гуляло по большой дуге и, вынырнув из-под нарядного, махитово-золоченого моста, который в разные времена называли Цепным, Гангутским, Пестеля и Пантелеймоновским, терялся за литыми решетками Летнего сада.

Толпам туристов, осаждающих усталую северную столицу в поисках ее увядающей красоты, не с руки просыпаться рано утром, чтобы услышать непревзойденный перезвон колоколов, сохранивший частицу той непостижимой русской души, которая способна голыми руками сотворить чудо, а потом бросить его на произвол судьбы и безразлично взирать, как та медленно погружается в небытие. Только очень талантливый и богатый народ позволяет себе быть таким расточительным и не ценить то, чем владеет в избытке.

Так рассуждал молодой мужчина, направлявшийся стремительной походкой по Невскому проспекту к набережной. В его сдержанных манерах угадывался уверенный в себе человек, а быстрые и четкие движения выдавали боевого офицера. Хороший костюм, ладно сидевший на его спортивной фигуре, скорее говорили о службе в прошлом и хорошо оплачиваемой работе в настоящем. Так оно и было на самом деле.

Николай Пригоров уже шесть лет, как уволился в запас по сокращению, но, обладая отличными данными и характеристиками, быстро нашел место в охранной фирме "Бастион", возглавляемой отставным генералом. Последний договор, по которому работал Николай, была охрана торговой фирмы "Флорентино", вернее – возглавлявшей ее красавицы. Мария Михайловна Румянцева давно покорила сердце бывшего офицера не только привлекательной внешностью, но и уди-

вительно цепким живым умом, острым язычком и безграничным шармом. Она сознавала свою женскую силу, и пользовалась ею очень умело. При желании могла быть просто неотразимой. Итальянское нижнее белье, которым торговал "Флорентино" покоряло не только сердца прелестниц. Мужская фантазия лишь по краешкам умело показанных пышных кружев кружила головы вздыхателей, готовых на все, только бы увидеть то, что эти кружева скрывают. Заоблачные цены не смущали покупателей, выкладывавших кругленькие суммы за лоскутки воздушной материи в ярких коробочках. Ведь обладатели заветных свертков становились на шаг ближе к той мечте, что навязывалась им со страниц глянцевого журналов, видеоклипов и кинофильмов о сладкой жизни.

Николай улыбнулся своим мыслям. Сегодня у него было лирическое настроение, и он вышел из метро на одну станцию раньше. Обычно он ехал от "Озерков" до "Сенной площади", откуда было рукой подать до офиса "Флорентино" на Фонтанке и дома на Садовой, где жила Мария Михайловна. Она купила квартиру так, чтобы можно было пешком быстро добраться домой из офиса на набережной, не думая о разведенных мостах или автомобильных пробках. В этом, как и во многих других вопросах, директор успешной компании была очень практична.

В последние дни жаркого лета было нестерпимо душно. Обычно, привыкшие к дождям и непогоде петербуржцы, в прежние времена с удовольствием впитывали в себя тепло,

будто запасая его на долгую зиму, но теперь даже они роптали на африканское пекло, увязшее в северных болотах. Сегодняшнее утро тоже обещало жаркий день, и бывший офицер спешил застать короткие минуты утренней прохлады у воды. Выйдя на станции "Гостиный двор", Николай заспешил по Невскому и свернул с проспекта на Фонтанку. Время было еще раннее, и он замедлил шаг. Колокольный перезвон блуждал в тумане над рекой, то затихая, то вспыхивая с новой силой. Это был настоящий зов незримого в тумане существа, с которым его связывали какие-то потаенные узы крови.

Многие места в Питере у Николая ассоциировались с яркими событиями или воспоминаниями. Фонтанка раньше всегда перекликалась с колокольным перезвоном, но с некоторых времен она стала "ее королевством". Так в шутку бывший офицер называл Машины владения. Обшарпанный дворянский особняк на набережной, в котором последние лет сорок располагалась какая-то государственная контора, был выкуплен, отремонтирован и продан под офис компании "Флорентино". Дом ожил, заиграл красками и богатой лепниной. Словно островок иного мира, он укрывался за красивой ажурной оградой. Высокие ворота, увенчанные пиками, степенно открывались, пропуская во внутренний дворик уже не кареты, а дорогие лимузины. Деньги любят тишину и порядок, они всегда нуждаются в надежной охране. Тут Николай был профи. Пройдя хорошую школу и получив бога-

тый опыт в армейской спец группе, он был словно невеста на выданье для частных организаций, занимавшихся охраной. Второй дан по карате, мастерский норматив в стрельбе и солидная внешность были его козырями. Не смотря на постоянную занятость на работе, бывший офицер всегда выкраивал время для тренировок. Вот и сегодня он намеренно сделал пеший крюк, чтобы восполнить пропущенную утреннюю зарядку. Бегать в августе из-за дыма горевших вокруг Питера лесов стало тяжело даже рано утром, а вот пройтись по набережной было приятно.

Судя по колокольным фразам, эхом отзывавшимся от высоких стен набережной, перезвон над Фонтанкой подходил к концу. Чем-то он напоминал разговор старых приятелей, которые, еще не дослушав собеседника, уже торопились что-то сказать в ответ. Свидетели такой дружеской перепалки только улыбаются, тут главное не то, что они стараются сказать друг другу, а то как они это делают. Сочные аккорды, словно отдельные слова, звучат загадочно, но смысл беседы, в целом, был понятен, будто они говорят на старом, не забытом, но редко используемом языке. Бывшему спецназовцу подумалось, что иногда его знакомые наоборот, общаются с ним на одном наречии, но между ними отсутствует понимание. Наверное, он остался таким же неисправимым романтиком, как в детстве. И тому доказательство его неудачный брак. Не прошло и года, как молодая жена поставила жесткое условие – или она, или служба. А ему нравилось ездить в коман-

дировки, решать нестандартные задачи, выполнять сложные поручения. Он верил, что спасает мир, и никто кроме него не сможет этого сделать. Расстались легко, словно и не было у них ничего общего, о чем подолгу говорили, гуляя белыми ночами до свадьбы.

Идя вдоль набережной, Николай попытался вспомнить свою бывшую жену и не смог. Образ Машеньки напрочь вытеснил все, что было до нее. Теперь казалось странным, что он мог влюбиться в кого-то другого. Тогдашний, выпускник офицерского училища, был полон надежд, но мир оказался проще и жестче. Карьера, которую предлагал тесть, имеющий солидное положение в мэрии, оказалась невыносимой ношей для романтика. Из воспоминаний о неудачном браке осталась маленькая однокомнатная квартира на улице Есенина. Впрочем, грех было жаловаться на судьбу. Ему посчастливилось выбраться живым из всех передраг, где остались навечно почти все боевые друзья. Но Николай не утратил веру в добро, и в меру сил служил ему. Разве что стал более замкнутым, ревниво охраняя свой внутренний мир от посягательств. Иногда ловя томные, полные открытого призыва женские взгляды, он скромно отворачивался, не идя на сближение. Все свободное время посвящалось изучению боевых искусств.

Получив черный пояс по карате, бывший спецназовец стал с жадностью искать и читать книги о великих мастерах и

тайных методиках подготовки воинов. Он понимал, что одного физического совершенства мало, нужно развивать иные способности, открывающие путь к новым вершинам. Однако книги, наводнившие прилавки современных магазинов, зачастую были отвратительным переводом пространственных рассуждений иностранных авторов о сверх способностях человека, либо бредовыми инструкциями, как поразить противника на расстоянии, не прилагая никаких усилий. Настоящие секреты хранились за семью печатями, которые сначала нужно было отыскать, и только потом попытаться понять. Впрочем, такой поиск был увлекателен сам по себе и, порой, приносил результаты. Если в руки попадалось что-нибудь стоящее, Николай с фанатизмом отработывал новый прием или проверял методику на себе, пока не добивался результата. Конечно, ему нужен был учитель, но пока судьба распоряжалась иначе.

Пару лет назад, когда появился итальянец Антонио Валороссо, настоящий владелец фирмы "Флорентино", у Николая возникла надежда, что путь к тайным знаниям приоткрылся. Казалось, что сицилиец причастен к какому-то тайному клану и является носителем серьезных методик, но, то ли он не владел ими, то ли не захотел делиться, завеса не открылась. Тогда же у Антонио и Марии Михайловны произошла какая-то размолвка. С тех пор итальянец перестал появляться в офисе на Фонтанке. Впрочем, на делах "Флорентино" это никак не отразилось, напротив, как он может судить, биз-

нес процветает, а вот Маша, похоже, все еще ждет Антонио. Возможно, между ними когда-то был роман или Мария обязана чем-то Валороссо, Николай не знал, но судя по тому, как директор порой с такою грустью смотрит на свой телефон, она все еще ждет звонка от сицилийца. Бывший офицер как-то признался себе, что между ними возникло что-то вроде любовного треугольника, полного недомолвок и предположений. Каждый был очень занят своим делом, переполнен гордостью и нежеланием сделать первый шаг. Впрочем, скорее всего потому и не делал его, что побаивался результата, ведь тогда нужно будет принимать совершенно определенное решение, к которому еще никто не готов.

Словно в подтверждение этих туманных рассуждений, белесая пелена над Фонтанкой застыла, скованная эхом колокольных перезвонов. Однако стоило последним звукам растаять за поворотом, как озорной повеса с Финского залива рванул напрапалую, разметав молочные клочья по сторонам. Мистическая сказка закончилась, освобождая место деловому утру. Первыми заторопились домой выгуливавшие своих питомцев "собачники". Откуда-то медленно и неотвратимо на город напоззала жара. Становилось душно.

Глава V

Вечер медленно затихал на Московских бульварах. Несмелый ветерок, дремавший где-то в тенистых закоулках весь душный августовский день, проснулся и зашелестел высушенной листвой на верхушках тополей.

Марево не спешило покидать раскаленную столицу. Не верилось, что когда-нибудь придет осень и принесет прохладу. Разморенный небывалой жарой город постепенно пустел. Офисные работники покидали прохладные "оазисы", где непрестанно трудились кондиционеры, и пересаживались в раскаленные, словно духовки автомобили. Счастливые обладатели машин с кондиционерами гордо задраивали все стекла и поглядывали свысока на коллег, устало высывавшихся из открытых окон стареньких авто, лишенных современного комфорта. Впрочем, и те, и другие медленно катились по плавившемуся асфальту, надеясь найти убежище от жары в загородных особняках.

Жители столицы, оставшиеся в городе, не спешили в дома, от стен которых еще пылало жаром, как от русских печей, щедро натопленных в зимние стужи. Многие предпочитали прогуляться к фонтанам и посмотреть на детвору, резвящуюся в воде. На Манежной площади было многолюдно. Каскад фонтанов, украшенный массивными сказочными персонажами, коих большой друг градоначальника поселил здесь

на радость детворе, был в настоящей осаде. Молодежь и, считавшие себя таковыми, плескались в прохладной воде и припадали к прохладительным напиткам за столиками поблизости. Где-то далеко были благоухающие парки с зелеными лужайками, резными мостиками через ручейки и песчаными дорожками вдоль пруда, а Москва изнывала от жары и нависшей гари. Разве что по бульварам, невзвешенный ветерок, пронесся время от времени, пытаясь разогнать нависший над городом дым пожарищ, словно напоминая простую истину. Ничто не вечно на этой брэнной земле. Жару сменит осеннее ненастье, и полетит разноцветная листва, прячась под красивые, с литыми витиеватыми спинками скамейки, а там и до сугробов недалеко.

На одной из таких скамеек сидела Варя и украдкой поглядывала по сторонам. Среди неторопливо прогуливающихся по бульвару прохожих, девушка заметила знакомую стройную фигуру. Упругой походкой молодой человек быстро продвигался вперед, ловко маневрируя среди степенной публики. Впрочем, было заметно, что и на него никто не обращал внимания. Они словно существовали отдельно. В разных временах. Девушка обрадовалась неожиданной встрече со знакомым, и поспешила следом за мужчиной, стремясь быстрее догнать его. Но, как назло, из-за своего небольшого роста потеряла его из виду.

– Ты всегда не смотришь по сторонам, когда торопишься, – остановил ее насмешливый голос справа.

Белокурые кудряшки, обрамлявшие красивое мужественное лицо с греческим профилем, казалось, тоже подтрунивают над девушкой. Откинувшись на спинку, мужчина сидел на скамейке, вольготно закинув ногу на ногу. Он выглядел очень молодо, но взгляд с ироничной искоркой таил в себе, то ли усталость, то ли печаль.

– Александр! – вырвалось у девушки восклицание.

Возможно, это было произнесено слишком громко или через чур восторженно. Так или иначе, но чинно шествовавшие рядом прохожие невольно оборачивались, с любопытством ища предмет такого восторга. Однако, решив, что девушка зовет какого-то знакомого по другую сторону витой чугунной ограды бульвара, безразлично продолжали свой неторопливый променад.

– Присаживайся, умница, – он демонстративно смахнул несуществующую пыль рядом с собою на скамейке.

– Здравствуй! – единственное, что смогла она выдохнуть, садясь рядом.

– Приветствую тебя, несравненная Варвара! – торжественно произнес молодой человек, и золотистые кудряшки качнулись в такт словам. – Рад видеть твое милое лицо и пыливый взгляд.

Девушка не нашлась, чем ответить на столь непривычное приветствие и смущенно промолчала. Видя это, ее знакомец спокойно продолжал:

– Твои современники всегда так разобщены и молчали-

вы. И чем больше их собирается вместе, тем они больше сторонятся друг друга. Так бывает, когда людей ничего не объединяет. Это странно. Неужели в таком огромном городе нет единой цели, и все заняты только своими личными проблемами?

Девушка растерянно кивнула, соглашаясь с ним.

– Я прошел со своими войнами полмира. Мы брали перевалы, переправлялись через реки и пропасти, участвовали в битвах, хоронили товарищей. Но мы всегда были вместе. Нас объединяла великая цель. Именно поэтому боги хранили нас. Они видели, что за долгие годы походов мы стали братьями. Очень многих я называл по имени и знал их семьи.

– У нас все иначе, Александр. Мир меняется.

– Законы Зевса не в чести, и Аполлон интригу воспекает. – тихо продекламировал он.

– Эти люди молятся иным богам, – тихо заметила Варя.

– Жаль. Я слышал о разных богах, но не могу понять, как твои современники могут молиться тем, кто не подарил им огня, не научил обрабатывать землю или металл, не научил делать вино или строить дома.

– Сейчас поклоняются тому, кто подарил людям надежду.

– Извини, но одна часть мира поклоняется тому, кто учил, как нужно страдать, чтобы обрести бессмертие, а другая вообще заключила договор с богом, в котором все пункты четко прописаны в свитке. Это более похоже на торговлю. Поэтому в вашем мире исчезли герои и подвиги. Вам не нужен

ни Геракл, ни Одиссей, ни Прометей. Незачем бороться с Горгоной или Минотавром, ибо никто не станет воспевать подвиги во имя добра и справедливости. Вы возвеличиваете тех, кто всю жизнь ограничивал себя, терпел лишения и ничего не совершил. Потому-то твои современники наперегонки переписывают историю, чтобы никто не мог сравнить современных претендентов на трон с настоящими царями, одержавшими много славных подвигов. Впрочем, не в моих правилах кого-то переубеждать.

– Мои современники помнят, что ты никогда не навязывал своей веры народам покоренных стран, за что тебя и называли Великим.

– Лесть тебе не к лицу, умница. Оставь это царедворцам. Они более ничего не умеют. Так о чем ты хотела спросить меня? Я слышал твой настойчивый голос.

– Признаться, теряюсь в догадках, – смущенно ответила девушка. – Судьба преподнесла мне странный сюрприз. Сердце подсказывает одно, а разум другое.

– Ты нужна малышке, – быстро ответил он. – И не отказывайся от поездки.

Ей захотелось заглянуть в его голубые глаза, всегда немного грустные, понимающие и даже ироничные, но сумерки стали быстро сгущаться, поглощая облик собеседника.

– Ва-ря, – кто-то осторожно коснулся ее руки. – Варь.

– Что? – вскинулась девушка, резко сев на кровати и на-

тягивая простыню. – Ты что тут делаешь?

– Я, – Ниночка стояла в легкой ночной пижаме с цветочками у постели воспитательницы и растерянно смотрела на нее.

– Тебя разве не учили, что входить в чужую спальню, – она не стала продолжать заготовленное нравоучение. – Ладно, иди ко мне, дружок.

Наставница легко подняла с пола девочку, протянувшую к ней навстречу свои ручонки. Растрепанные со сна черные кудри и огромные виноватые глаза могли разжалобить любое сердце. Ниночка прижалась, обнимая ее за шею, и быстро зашептала на ухо:

– Его зовут Ора.

– Кого? – сразу не поняла Варя.

– Ну, этого, – девочка таинственно кивнула в сторону своей спальни, скосив туда же глаза. – Из стены.

Окончательно стряхнув остатки сна, девушка переспросила:

– Приходил?

Черные кудряшки закивали в ответ, а их обладательница шепотом спросила:

– И к тебе приходили?

– Почему ты так решила? – насторожилась Варя.

– Ты шептала одно имя.

Девушка чуть отстранилась и недоверчиво посмотрела на свою подопечную:

– Ты слышишь, что говорят за стеной?

– Нет. Это я во сне слышала. Пришла на помощь.

– Вот детектив на мою голову, – примирительно улыбнулась воспитательница. – Теперь будешь знать все мои секреты?

– Что сказал Александр? – спросила девочка, пропустив мимо ушей замечания.

– Да, так, ничего определенного, – замялась наставница. – Хотя, нет! Предупредил, чтобы я не отказывалась от поездки.

– Куда?

– Не знаю. Вот если бы некоторые меня не будили, я бы все узнала.

Ниночка промолчала, хотя вид у нее был скорее таинственный, чем смущенный. Она потеревила простынь и тихо произнесла:

– Мне Ора тоже сказал обязательно ехать.

– Хорошенькое дело, – попробовала перевести все в шутку Варя, – и куда же мы собрались?

Девочка только пожала плечиками, изучающе глядя на свою няню.

– Ладно, это мы позже выясним, – девушка пододвинулась ближе, подперев голову согнутой в локте рукой. – Ты точно поняла, что тень назвалась Ора, а не Ор.

Маленькие морщинки вспыхнули на гладкой коже лба под кудряшками, изображая солидный мыслительный процесс.

– Он сказал Ора, – уверенно подтвердил юный медиум.

– Вообще-то Ора женское имя. Причем, достаточно распространенное. У древних греков так звали дочь Зевса. Ора значит сияющая. Вместе с другими богинями, открывавшими и закрывавшими небесные врата над Олимпом, они назывались Орами – привратниками небес. У испанцев это имя означает золото. На древнееврейском – светлая. В любом случае твоя тень из светлого мира, и будет тебя оберегать.

Неожиданно в дверь постучали. Обе вздрогнули и замолкли.

– Варя, ты спишь? – послышался ласковый голос домработницы. – Варя, Нина у тебя?

– Лидочка Натанна, я тут, – громко отозвалась девочка. – У нас девичьи секреты.

– Скажи, пожалуйста! – преувеличенно серьезно прозвучал голос за дверью. – Заканчивайте свои секреты и марш умываться. Через четверть часа завтрак. Софья Львовна просила не опаздывать.

Обе заговорщически переглянулись. Дождавшись, когда шаги за дверью затихнут, воспитанница и няня, разом приснули от смеха. Между ними зарождалось то чувство, которое часто называют дружбой, хотя первоначально это особое доверие.

Завтракали за большим столом на кухне. Варя он был уже знаком, и это как-то помогало не чувствовать себя очень скованно в чужом доме. Лидия Натановна постаралась на славу

– несколько салатов, закуски и много зелени украшали стол. Правда, можно было заметить, что молочные продукты были разложены в бледные плоские и сдвинуты на один край стола, на другом расположились салаты. Соблазнительные запахи витали над красивой посудой, разжигая аппетит.

Во главе восседала Софья Львовна. Несмотря на сугубо женское общество, ее макияж и одежда строго подчеркивали статус хозяйки. Это создавало атмосферу какой-то торжественности, и даже непоседливая Нина притихла, то и дело, поглядывая на свою новую воспитательницу.

Варе тоже пришлось соответствовать общему настроению и держать спинку прямо. Ей не сложно было пользоваться красивыми столовыми приборами, и поддерживать беседу, хотя обычно она завтракала намного скромнее. Те съемные квартиры на окраине Москвы, которые она могла себе позволить, были далеки от совершенства, но там она только ночевала, проводя все свое время в библиотеке. Вернее, она жила среди книг, и привычными запахами, окружавшим ее, были запахи клея современных изданий и старых пыльных фолиантов. Особенно она любила античный отдел, где были собраны редкие и красивые книги, их запах всегда завораживал.

– Варя, ты ничего не ешь, – замечание Софьи Львовны вернуло ее в столовую. – Нина, глядя на тебя, тоже только елозит вилкой по тарелке. Ужели Лида зря старалась?

– Ой, нет, – спохватилась девушка. – Все так вкусно пах-

нет, что я не могу решиться с чего начать.

– Тогда начни с паштета, и обязательно с зеленью.

Софья Львовна с удовольствием продемонстрировала, как это делается, и все последовали за ней. Паштет действительно был достоин всяческих восторгов. Очевидно, в этом доме уделяли еде особое значение. Все печали и тревоги, выпавшие на долю семьи, сглаживались за великолепным столом, объединявшим и скреплявшим остатки некогда большой семьи. Солидный крепкий стол был неким островком стабильности и спокойствия, так необходимого в каждом доме.

– Варя, – хозяйка умело сочетала разговор за столом и получение удовольствия от еды, – ты была за границей? Я имею в виду, какие-нибудь туристические поездки. Заграничный паспорт у тебя есть?

Воспитанница и няня переглянулись.

– Да, я была в Египте, Иордании, Бельгии и Франции, – призналась Варя. – Не так давно довелось посетить Сицилию.

– Вот как? – в голосе хозяйки звучало явное удивление. – Можно позавидовать зарплате наших библиотечных работников.

– Что, Вы! У меня подруга занимается бизнесом. Я просто сопровождала ее в поездках. Как секретарь.

– Это замечательно, – Софья Львовна ловко справлялась с холодной фаршированной рыбой. – В связи с этой ненормальной жарой и дымом, мой врач настоятельно рекомендует на время уехать из Москвы. К тому же мне пора возобно-

вить курс лечебных процедур на Мертвом море. В сентябре там жара спадет, и можно будет поехать на пару недель. Я сегодня разговаривала с дальними родственниками в Хайфе, они все устроят с поездкой.

– Бабушка, и я! – звонким голосом заявила о себе девочка. – Ну, пожалуйста!

– Собственно, я потому и спрашиваю Варю, – пожилая дама внимательно посмотрела на воспитательницу. – Мне бы не хотелось ехать только с Лидой, но две недели этой егозе просидеть под солнцем среди не очень молодых людей, занятых своим здоровьем. В бассейне, конечно можно поплескаться, но кто за ней уследит.

Последовавшая долгая пауза была предназначена для Вари.

– Если это возможно, – скромно начала девушка. – Вокруг Мертвого моря столько исторических мест, что и за месяц не пересмотришь, а уж о Иерусалиме и говорить нечего! Я давно мечтала побывать в Израиле, но для меня это очень дорого.

– О деньгах можешь не беспокоиться, – хозяйка была явно довольна ответом. – Твоя задача быть все время с Ниной.

Долгий взгляд на правнучку был строгим и властным. Хозяйка переносила на девочку невысказанный укор или, даже, обвинения во всем, что случилось с ее родителями, хотя и понимала вздорность такой позиции. С другой стороны Нина была последней надеждой на продолжение их рода. Со-

фья Львовна подолгу размышляла об этом важном для нее вопросом и, как было заведено в этой семье, все решила и спланировала сама.

– Девочка у нас единственная наследница, и я хочу, чтобы она упорно занималась. К тому моменту, когда я уйду в мир иной, Нина должна стать образованной и сильной. Не вертихвосткой, думающей только о тряпках и романах, а настоящим воином.

– Как бабушка, – продолжила ее мысль девчушка.

Ответ явно понравился хозяйке, и она позволила себе чуть улыбнуться краешками густо накрашенных губ. В наступившей паузе все взоры были обращены к Софье Львовне, и она, как настоящий актер, сыграла свою роль великолепно. Не отводя тяжелого взгляда от девочки, которая тут же съежилась, вбирая голову в плечи, солидная дама чуть покачала пышным париком.

– Будь осторожна с лестью, моя дорогая, – наконец-то произнесла хозяйка. – Глупый проглотит, не задумываясь, а вот умный человек насторожится. Нельзя со всеми играть в поддавки. Сначала узнай, какую музыку предпочитает слушать собеседник, и только потом начинай свою партию.

Хозяйка перевела взгляд на Варю, чуть изменив выражение лица.

– Надеюсь, ты заметила, что Нину господь одарил живым умом и наблюдательностью, но вот с трудолюбием он явно поскупился. Твоя задача научить ее любить книги. Старые

умные книги. Чтобы она не тратила время, болтаясь по своему дурацкому Интернету или перед телевизором, где на каждом шагу расставлены ловушки для простаков. Я все жду, когда она поймет это сама, да, видно, не судьба.

– Ну, бабушка, – длинные реснички умоляюще захлопали.

– Да ни один миллионер в мире, – Софья Львовна подняла пышный палец с солидным кольцом, – не станет делиться своими секретами перед публикой. А с этих экранов только и бубнят советы, как стать миллионером. Так могут выступать только аферисты, выдающие себя за Рокфеллера. Я вас умоляю! Или того хлеще – не заработать, а выиграть миллион. Вот это по-русски! Сиди в дырявом халате перед экраном, и тебе привезут мешок с деньгами. Прогресс налицо – слезли с печи к говорящему ящику. Богатейшая в мире страна берет в долг у зарубежных жуликов. Смотрят в рот болтунам, которые врут и воруют, решая вечный для русских вопрос. Вершки или корешки! Не дураки и дороги беда русского человека, а богатство его страны. Спотыкаются о него, а что делать с эдаким добром не знают. Проходимцы ужом пролезают в начальники, чтобы воровать, но умело распускают о себе слух, что, мол, дураки. Русский мужик водки выпьет, начальника поругает и успокоится. А зря. Ну, да, ладно. Что-то я расшумелась.

За столом воцарилась тишина, никто не решался продолжить тему или предложить новую. Здесь царствовала только одна королева, и в ее присутствии остальные опускали

взоры. Разве что правнучка иногда позволяла себе вольности, но она пользовалась своим особым положением только тогда, когда чувствовала, что главе семейства это понравится. Пауза могла затянуться надолго. Все зависело от того, насколько глубоко задумывалась над своими непонятными проблемами хозяйка. Так было и на этот раз.

Глава VI

В сон женщины, беспокойно дремавшей в большой квартире на третьем этаже старинного дома, восстановленного умелыми мастерами, медленно прокрался утренний перезвон. Он был со звонницы церкви равноапостольной Марии Магдалины, которая стояла наискосок в Апраксином дворе, и поэтому чужаком себя здесь не считал. Хозяйка шикарной квартиры на Садовой нарочно оставляла окно своей спальни открытой на ночь, чтобы он, словно гуляка, колобродивший до утра, все же вернулся. Занавески бесшумно колыхнулись, расступаясь и пропуская бродягу в спальню. В отличие от этих заговорщиков, всегда потакавших озорному перезвону и заигрывавшим с ним своими легкими одедами, зануда кондиционер недовольно гудел в углу – где это видано, чтобы открывать окно при включенном кондиционере. Но хозяйку слушались все. Даже строгий охранник, каждый раз звонивший со своего поста на первом этаже большой парадной дома на Садовой, и настоятельно просивший проверить запоры на окнах, так как сработали датчики на его пульте с лампочками, ничего не мог поделать.

Мария Михайловна весело отшучивалась, что ее крестная просыпается рано, значит и ей грех валяться в постели. При этом она томно вздыхала, мысленно продолжая эту фразу холодным словом. Одной. Конечно ни охранник, ни кто иной,

присутствующий при этом разговоре не слышал этого безжалостного слова, но оно было написано на лице хозяйки. Несомненно, такая красивая и состоятельная женщина легко могла бы разделить участь многих и многих соплеменниц, делающих вид, что живут семьями, но на самом деле признававшихся себе в том, что живут рядом, а не вместе. Особенно остро такие признания, словно острые приступы боли, посещали замужних соплеменниц по утрам, когда нечто похрапывало рядом, не вызывая особых эмоций. Кто-то старался поглубже спрятать мысль, что это просто сделка, обмен ее свежести на его средства, кто-то уговаривал себя, что главное – дети, а иные придумывали себе тайную страсть, уподобляясь героиням сериалов. Все это напоминало игру, а ведь когда-то мечталось о настоящем.

Именно поэтому хозяйка большой квартиры на Садовой позволяла себе такую роскошь, как жить в ожидании, установив жесткие рамки. Разве что, одна слабость все же допускалась в ее строгом распорядке. Утренний озорник с колокольни Марии Магдалины навещал ее на рассвете, деликатно проникая во многие Машины сны и меняя их к лучшему. Причем делал он это с удовольствием. На правах ночного гуляки ему позволялось пройтись вдоль стройных длинных ног хозяйки, едва прикрытых простынями с драконами, которые не сводили огромных злых глаз с гостя. Потом коснуться загорелой кожи на красивом подтянутом животике, прилагая все усилия, чтобы удержаться и не скользнуть под

драконов. Зато полюбоваться красивой женской грудью гуляке не возбранялось. Он делал это с наслаждением, медленно и очень аккуратно, чтобы не разбудить хозяйку. Если бы этот озорник имел голову, она непременно бы закружилась, а имея сердце, оно бы затрепетало и остановилось при виде этой красоты. Утренний перезвон очень гордился тем, что он не был бестелесным призраком, обитавшем в храме на Апраксином дворе. Однажды ему довелось услышать умный разговор двух священников о колоколах, из которого стало ясно, что колокольный перезвон есть субстанция физическая, основанная на колебаниях воздуха. После чего утренний перезвон стал свысока поглядывать на остальную бестелесную братию, относящуюся к призракам, отчего сыскал среди всех обитателей богоугодного заведения незаметную долю задаваки и воображалы. Он даже стал почитать себя выше вечернего перезвона, хотя тот и гордился сладким титулом – малиновый. Тут можно было поспорить, что слаще – наткаться с разбега низкими басами на одежду набожных прихожанок или ласкать, прости мя Господи, нежным утренним перезвоном спящую красавицу.

Короче, бестелесная братия храма, что стоял наискосок от дома на Садовой, записала утренний перезвон в еретики и отступники, хотя все его рассказы о блондиночке в шикарной квартире, слушала. Затаившись и с интересом. Соблюдая приличия, оне даже пробовали жаловаться на гуляку церковному начальству. Да, тем недосуг было, а может, и

еще что. То неведомо. Хотя...

Церковь равноапостольной Марии Магдалины на Апраксинском дворе среди своих считалось новоделом, поскольку стояла она на том самом месте, где еще при шведах была католическая часовенка. Когда Петр Первый иноверцев-то прогнал, велел тут православную церковь поставить. Поначалу деревянную. Да, повезло ей. Место вокруг было бойкое, торговое. Купчишки в славные времена Петра Алексеича да Екатерины Великой тут развернулись. Апраксин двор, почитай, первым торговым центром не только матушки-России был, а и по всей Европе гремел. Торговый люд не скупился. Такой храм поставили, что Исакию в пику. На трехсотлетие Романовых тут роскошные службы были. Что, ты! Правда, пришли товарищи и быстро все к рукам прибрали, а при Никитке и вовсе снесли. Да, дела.

Теперь, вот, заново отстроили, по тем же чертежам, и освятили, как положено. Да, только кто ж пойдет в неизвестный приход, где ни прихожан, ни доходу особого нет. Звонарь, и тот, зеленый ешо. Ан, нет, не так все плохо. С торговым людом на Апраксинском дворе местные власти, как положено, воюют, но те держатся и жертвуют на храм знатно. Одна Мария Михайловна такие конвертики оставляет под иконкой Божьей Матери, что лампадки не коптят! Потому и церковные власти на всякие там причуды звонаря и его утреннего звона смотреть не смотрят и знать ничего не же-

лают.

Вот и шастат тот гуляка в открытое окошко к незамужней даме. Вольность, конешна, дык, ведь ни в каком уставе про то не писано, чтоб запретить утреннему перезвону дружбу с кем-то из прихожан водить. Ну, дружба не дружба, а некие особые отношения у них, всё ж, промеж собой были, и блондиночка та потворствовала сему факту сама.

Была у Машеньки некая романтическая черта в характере, отличавшая ее от теперешних бизнес-леди, готовых на все, ради выгоды собственного дела. Не умерла в ней женщина, когда волею судеб, а точнее – богатой и влиятельной на Сицилии семьи Валоросо, в лице наследника незримой империи красавца-дипломата Антонио, стала Маша директором компании «Флорентино». Не загубела душой блондиночка, а стала по-особому царствовать в своей кружевной империи. Она любила и умела одеваться, и не только со вкусом, а с шармом великим. Лучшего лица для компании, торговавшим великолепным итальянским нижним бельем и придумать было невозможно. Появится Мария Михайловна на приеме светском, и все внимание к ней приковано. На первый взгляд одета красавица изысканно и строго, никаких вольностей, но многие знаю, что, умело, скрывает эта восхитительная женщина. Нужно только момент не упустить. Как-то невзначай обернется, шажок широкий сделает или доверительно приблизится к собеседнику, а тот и обомлеет. Кра-

сота великая сила, а в умелых руках власть непреодолимая. Одни с восторгом дорисовывают в воображении своем возбужденном то, что кружева скрывают, а иные – как эти кружева приукрасят то, что скрыто под ними искусно. Каждому свое, так уж мир грешный устроен. Да всякий раз у директрисы что-то новенькое, то, чего ни у кого среди красавиц Северной столицы никогда не было. Потому и кажется им, что именно эта вот кружевная вещица сможет каждую сделать неотразимой и желанной в глазах любого мужчинки. И парит Машенька в окружении страстных или завистливых взоров, как в облаке. Словно над землей ее этот интерес приподнимает. Богиня, да и только.

Многие пробовали Машеньку к рукам прибрать, богатое содержание предлагали, а то и бизнес отобрать пытались, с наших-то братков станется, только на их беду умна не по красоте оказалась директриса. Сама ловушек наставила, да претендентов лбами столкнула. Поговаривали, не зря она в церковь равноапостольной Марии Магдалины на Апраксином дворе часто заходит и почитает ее крестной матерью. Под защитой, значит.

Думал ли так утренний перезвон не ведомо, но хозяйку роскошной квартиры на Садовой любил. Чего греха таить. Вот и сегодня задержался у нее боле положенного, оставив других прихожан на одной из старейших улиц Северной столицы без внимания. Да и как было не задержаться. Рожден-

ный молодыми руками звонаря, в котором еще не все желания были убиты строгими постами и воздержаниями, гуляка уже повидал немало, особенно этим жарким летом. В осеннее и зимнее ненастье ему трудно было пробиться к горожанам через наглухо задраенные окна, а в эдакую жару, когда все было распахнуто настежь, утренний перезвон познал множество мирских секретов. Ибо в предрассветные часы беззащитны грешные. Все, как есть, на виду. Что ж тут странного, что появилась у гуляки среди многих и многих своя любимица. Едва молодой звонарь на колокольню поднимается, а этот озорник уже в нетерпении мается. Ждет. Начнут умелые пальцы перебирать веревочки, заговорят колокола, а перезвон уже летит к Машеньке. Заглянет к ней в сон, прислушается, а надобно, и поправит.

Сегодня у красавицы, хранимой неусыпными драконами, случился странный сон. Где-то она в пучине темной какою-то Вареньку все кличет, а той не видать. Мается сердешная хозяйка, сил смотреть на это нет. Помочь бы, да не ведает гуляка, кто такая Варенька. Решился спросить сотоварищей, кои бродят в утренний час по своим переулкам. Многие отмалчивались, да сыскался голосок с Никольской церкви, что на улице Марата стоит. Голосок старческий, скрипучий, но добродушный. Поведал он гуляке о Николае Пригорове, который обеих девиц знает. А еще сказал, что этот Николай любит утренний перезвон на Фонтанке слушать.

Такого-то отыскать на набережной было делом нехитрым.

Сразу видно, что мужчина неверующий, но колокольный звон принимает. Заглянул к нему в душу гуляка, а там все, как на ладони, читай – не хочу. Простота наивная, хотя и прирожденный ратник. Удивило гуляку то, что о Варваре разведal. Пигалица, а, поди ж ты, куда замахнулась...

Вернулся он в сон красавицы своей, а та мается, да так, что драконов переполошила. Пришлось нашептать блондиночке на ушко слово заветное. Сон тяжкий по другой тропке пошел. Встретила Машенька подругу свою в той пучине темной, да на волю обе и выбрались. Вскинулась красавица, села на кровати, дышит тяжело, а грудь-то... Прости мя Господи, загляденье одно. Заспешил утренний перезвон восво-яси, только занавески на окне и колыхнулись вслед. А блондиночка, стряхнув остатки сна, пошла на кухню. Налила стакан холодной воды, а зубы о стекло постукивают. Давно случилось наяву, что во сне пригрезилось, но до сих пор покоя нет.

Пройдя босиком по прохладному полу и выпив воды, Маша успокоилась. Сон навеял воспоминания об их с Варей приключениях в Египте. Тогда, впервые увидев неопытную студентку, Маша решила отправить ее на глубоководное погружение за сокровищами. Как она ругала себя тем утром, поджидая худенькую Варю, с маленьким баллоном сжатого воздуха у крохотного лаза в днище затонувшего корабля. Туда протиснуться могла только такая миниатюрная девчушка,

без женских излишеств. Да, и акваланг туда было не протаскать, только маленький баллон, обеспечивающий дыхание минут на десять, который как н. э., берут с собой дайверы на всякий пожарный случай. Мария Михайловна сглотнула от этих воспоминаний, будто сама сейчас испытывала кислородный голод глубоко под водой. Она знала, как охватывает паника там, в темноте, когда воздух в баллонах заканчивается. В один миг в угасающем сознании проносится вся жизнь и единственная мысль. Зачем? Что привело сюда, к этой жуткой смерти. Здоровенные мужики, имеющие многолетний опыт погружений, вдруг теряют рассудок, совершая самые нелепые и постыдные поступки. Только бы выжить. Только бы вдохнуть соленого морского воздуха, которого на поверхности всегда в избытке.

Все это Маша, работавшая тогда в Египте инструктором подводного плавания на одной из баз дайверов, знала, и, даже, испытывала на себе. И ей было до сих пор совестно, за то, что отправила она в глубину совсем неопытную студентку. Те жуткие минуты ожидания она видит во снах. Случайно оказавшаяся в руках карта с отметками о сокровищах на затонувшем галеоне сводила ее с ума. Маша уговорила себя, что Варя легко отыщет клад и вернется. Каких-нибудь десять минут и они обе богаты и независимы от всей мерзости, что окружала инструктора последний год в Египте. Прошло два года, а воспоминания до сих пор яркие и четкие, словно случилось все вчера.

Когда на глубине истекли десять минут, и газовая смесь в маленьком баллончике у Вари должна была закончиться, Машу охватил страх. Она попыталась себя убедить, что студентка сможет дышать еще минуты две-три. Однако и через пять минут со стороны крохотного лаза не донеслось ни звука. Инструктором овладел ужас. В ее воображении возникали картины одна страшнее другой – то студентку придавило проржавевшими балками, то она столкнулась с муреной, то застряла в каком-то узком месте, то, что вероятнее всего, просто закончился воздух. А вокруг жуткая тишина и только шелест распределительного устройства ее акваланга. Тогда Маша принялась колотить вторым аквалангом по краям крохотного лаза, надеясь, что Варя просто потеряла фонарик и заблудилась в темноте, а этот стук укажет студентке верную дорогу. Время остановилось в темной глубине Красного моря или просто заблокировалось в памяти от сильнейшего стресса. Остальное помнится только со следующего момента, когда Барина голова показалось из узкого лаза, освещенного фонариком инструктора. Стекло маски для подводного плавания искажало и без того налитые кровью от удушья или нечеловеческого напряжения, глаза. Тот тяжелый взгляд и вздутые на шее девушки жилы так резанули душу, что запомнились навсегда.

В руках у Вари вместо маленького баллончика со сжатым воздухом была шкатулка из темного дерева. Очевидно, из-за большой глубины в соленой воде Красного моря кислоро-

да было мало, и ни ракушки, ни черви не испортили дерево. Луч фонарика задержался на шкатулке и скользнул к аквалангу, который покорно подждал хозяйку. Машу так трясло от нервного возбуждения, что она не могла поймать загубник второго акваланга и подать студентке, но Варя справилась сама. Передав инструктору шкатулку, девушка закинула свой акваланг на спину и, застегнув ремни, продула загубник. Пузыри воздуха серебряным облаком взвились вокруг студентки и сплошным потоком наперегонки устремились вверх. В светлом конусе, излучаемом фонариком, было отчетливо видно, как ребра под Вариным гидрокостюмом, словно меха, стали накачивать кислородом изголодавшееся худенькое тело. Поддавшись впечатлению, Маша тоже часто и глубоко задышала. Голова начала кружиться, и приятная легкость коварно стала разливаться по всему телу. Захотелось блаженно прикрыть глаза и, словно на мягких подушках у кальяна, вытянуться, оперев на согнутую в локте руку, отяжелевшую вдруг голову. Инструктора кольнула мысль, что она ошиблась с пропорциями газовой смеси в баллонах, и сейчас они могут опьянеть от излишков закиси азота. Это было опасно. Схватив напарницу за руку, Маша увлекла ее за собой наверх. Прочь от этого коварного места. Не случайно загадочная шкатулка так долго пролежала там в одиночестве.

Выбрались из затонувшего корабля, они начали медленный подъем, зависая на определенной глубине по графику,

чтобы не спровоцировать кессонку. Их одинокие фигурки парили над темной бездной, и только пузырьки воздуха нарушали гнетущее молчание. Каждый думал о своем. Маша украдкой поглядывала на студентку, но напарница, словно замороженная, смотрела только вниз. Весь длительный подъем с большой глубины, Варя послушно шевелила ластами и по команде инструктора покорно замирала на очередной "полке", но ни разу не подняла головы. Все дайверы при подъеме с волнением поглядывают то на указатель давления в баллонах, то на серебристую грань наверху, отделяющую их от живительного воздуха, которого порой здесь смертельно не хватает. Студентка же смотрела только вниз. В черную бездну, которая так манит и пугает ныряльщиков. Самый опытный дайвер совет, если скажет, что не испытывает страха перед этой темнотой, непостижимым образом притягивающей к себе. Наверное, ныряльщиками становятся те, у кого в детстве любопытство пересиливало детский страх перед темнотой в соседней комнате. У кого сердце не замирало, а бешено колотилось за те несколько шагов, чтобы дотянуться впотьмах до дальней стены в темноте. Потом медленно повернуться, и, поняв, что рядом никого нет, расслабиться, ощущая неопишное блаженство от соприкосновения спиной к самой обыкновенной стене. Эти детские испытания, пройденные самостоятельно, так глубоко западают в душу, что определяют дальнейший жизненный путь.

Эта мысль промелькнула у Маши, когда она наблюдала за студенткой, пристально вглядывавшуюся в бездну. После такого жесткого испытания, девушка не испытывала страха перед темнотой под ногами, эта пропасть продолжала манить ее. Инструктор поняла, что в худеньком теле, на который и гидрокостюм-то с трудом подобрали, живет настоящий воин. Варя не дрогнула в жуткой глубине, не запаниковала, а заставила себя выжить. Правда, опыт дайвера подсказывал, что кислородное голодание более пяти минут сказывается на головном мозге. Кто-то теряет память, у кого-то начинает хромать логика, а некоторые впадают в детство.

Весь тот злосчастный день, да и последующие, Маша пристально следила за своей подопечной, стараясь быть все время рядом. Кризис мог проявиться неожиданно. Однако ничего существенного не произошло, студентка отделалась легким испугом. Тогда у инструктора еще промелькнуло сравнение – напарница, словно экзамен сдала. И это было очень точно. Что именно почувствовала или увидела Варя в той глубине под днищем затонувшего корабля, осталось загадкой, но это что-то сильно повлияло на девушку.

Впрочем, дальнейшие события в Египте развивались столь стремительно, что им было не до анализа ситуации. Погони, бандиты и опасности закружили соотечественниц в Египте, неожиданно сблизив их, таких разных и непохожих. Возможно, в память о тех событиях они иногда так тянулись друг другу, хотя подругами себя не считали, и почти не виде-

лись после. Зато позволяли себе каким-нибудь дождливым вечером позвонить бывшей напарнице и поговорить о пустяках. Словно случайно встретились на улице. Иногда после такого разговора Мария Михайловна подмечала, что Варя упоминала вскользь какие-то подробности недельной давности, о ее, Машинной жизни, о которых не могла ничего знать, живя в Москве. Эта девушка странным образом присутствовала в ее жизни.

Вот и сегодняшний сон встревожил Машу не столько знакомым сюжетом, сколько тем, что голос Вари она слышала так отчетливо и ясно, что уловила в ее речи странные нотки. Даже проснувшись, хозяйка большой квартиры на Садовой не могла избавиться от впечатления, что на самом деле при их разговоре во сне, Варя хотела что-то узнать о Николае. Вот ведь напасти!

Мария Михайловна вернулась в спальню. Там было как-то пусто и одиноко. Она посмотрела на скомканные простыни с драконами, но желания лечь и подремать еще часок не возникло. Директриса глянула на часы. У нее достаточно времени, чтобы привести себя в порядок и прогуляться до офиса пешком. Сегодня утром дежурит Николай, а с ним можно немного пошалить, не опасаясь каких-то необдуманных действий. Мужчины так самоуверенны и, простите, туповаты. Они не понимают полутонов и полунамеков, не хотят понять, что у женщины бывает просто хорошее настроение и

ей хочется нравиться, хочется развеяться и поинтриговать, а не бежать, сломя голову, в койку. Это относится ко всем, ну, почти ко всем. И Коленька есть то самое исключение. Милый и воспитанный мальчик, несмотря на свои мускулы и суровый голос. Иногда он так нежно заглядывает ей в глаза, что сердечко замирает. Другая бы не упустила случая и прибрала бы к рукам, жених-то вполне достойный. Даже жалко. Вот окрутит какая-нибудь вертихвостка, тогда только локти кусать. Взять хоть бы их «Флорентино». Такие девчонки на Николая засматриваются, а он только глазки отводит.

Маша часто размышляла на эту тему, сидя за туалетным столиком и приводя себя в порядок. Знакомое отражение в зеркале, как всегда, хотелось подправить, но к пластическим хирургам она еще не обращалась. Строгий овал лица еще не тронули морщинки, и нужно было только умело кое-что подчеркнуть. Изящно и строго. Без излишеств. В женском коллективе нужно держать ушки на макушке, промахов не простят. Расставив в боевом порядке флакончики, коробочки, баночки, тюбики, кисточки и щеточки, блондинка со знанием дела направляла их в бой. Вечный бой за красоту, за преобладание, за уверенность в себе. Попутно мысли ее не отпускали спортивного подтянутого мужчину, бывшего когда-то офицером, да и теперь не утратившего выправки и горделивой осанки, что так нравится женщинам. Будь сейчас девятнадцатый век, он носил бы кремовые перчатки из тонкой кожи и трость с серебряным набалдашником.

Отчего-то Марии Михайловне очень нравилось, когда мужчины носили перчатки, не для того, чтобы защищать руки от мороза, а чтобы быть элегантным. Носить перчатки всегда, даже летом, но только не теплые, а кремовые из тонкой хорошо выделанной кожи. Она видела такую картинку в далеком детстве, и это запало в душу. Это стало эталоном элегантности где-то глубоко в подсознании. Машенька даже отважилась как-то на поступок, и подарила Николаю такие перчатки. Изящные, из тонкой английской кожи, с идеальной строчкой и аккуратной бронзовой застежкой. К сожалению, мужчина гордо сказал, что будет беречь ее подарок, как память. А ей так хотелось пройтись с ним под руку в кремовой перчатке. Она и себе купила модель, выполненную в таком же стиле. Жаль, они бы так чудно смотрелись в кремовых перчатках. По крайней мере, Машеньке так хотелось думать.

Впрочем, не все потеряно. Нужно набраться терпения, чтобы найти или, на худой конец, воспитать себе мужчину. Тогда посмотрим. А сейчас у нее есть еще время, чтобы поработать над личиком. Потом слегка откинуться назад и, глядя в зеркало, строго оценить результат. О-о, она умеет это делать.

Глава VII

Глядя на ночную Барселону, Влахель в деталях вспоминал встречу с господином по имени Ариэль, приславшим ему приглашение поужинать в «Белом лотосе». Описание того, как директор «Эсмеральды» готовился к ней и как волновался, могло бы уместиться на страницах целого романа, а вот сам ужин прошел на удивление легко. Ариэль оказался его ровесником. Они даже были чем-то похожи и деликатно прощали друг другу неточности в английском. После короткого знакомства Ариэль запросто достал из кармана пиджака документ, свидетельствующий о том, что он является владельцем посреднической компании "Эсмеральда", зарегистрированной в Барселоне в 1996 году. Мартинес-младший был абсолютно не готов к такому повороту событий. Чтобы скрыть растерянность, он самым тщательным образом начал изучать документ. Благо они сидели в отдельном кабинете ресторана, и никто им не мешал. Несколько минут прошли в полном молчании, но результат проверки был однозначным. Хосе-Луис держал в руках подлинник, подтверждавший, что перед ним хозяин «Эсмеральды» по фамилии Гридман. Вмиг рассказы деда о загадочной и несметно богатой России стали реальностью и для Влахеля. Вот так запросто носить в кармане документ, за которым стояли десятки миллионов, мог только очень состоятельный человек. И в его

власти было одним росчерком пера сменить директора "Эсмеральды".

Хосе-Луис занервничал. Визит Гридмана был неожиданным, и цель его была абсолютно неясна. Однако, закулив любимую "Фортуну", он постарался расслабиться, пустив в ход все свое обаяние, и, о чудо, общение стало непринужденным. Гость расспрашивал о семье, о погоде, когда лучше приехать посмотреть корриду в Мадриде или бычьего бега в Памплоне. Они поговорили о Барселоне, и Влахель предложил свои услуги в роли гида, чтобы прокатиться и посмотреть знаменитые творения Гауди, а, если угодно, и офис "Эсмеральды". Однако, господин Гридман отказался от поездки, сославшись на занятость. Более того, он заверил, что все отчеты, которые директор присылает из Испании, не вызывали у него ни малейшего беспокойства по поводу работы "Эсмеральды". О, эти русские! Сколько же нужно иметь денег, чтобы так к ним относиться.

В ходе беседы Мартинес-младший постепенно ощутил, что гость ему симпатичен и даже понял почему. Судя по тому, какие вопросы Ариэль задавал, как их формулировал, и какие термины часто использовал, они оба получили финансовое образование и работали в банковской сфере. Еще их сблизил сама Россия, вернее то, что дед Влахеля бывал там когда-то и сумел привить внуку уважение к этой далекой стране. Уже заканчивая ужин, когда они пили хороший коньяк, стиравший незримую границу между двумя незнако-

мыми людьми, Мартинес-младший, чтобы сделать приятное собеседнику, отважился на чтение какого-то стихотворения на русском, которое помнил с детства. В те далекие годы маленького Влахеля ставили на стул, и он громко декламировал на чужом языке какие-то фразы, от которых у деда голос становился чуть тише и мягче, а глаза увлажнялись:

– Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты.

Конечно, и тогда, и теперь он произносил непонятные слова с жутким акцентом, ставя ударение по памяти, а не по смыслу, которого не понимал, но теперь и у Ариэля тоже неожиданно смягчился голос, как и у деда, тогда, в детстве. Русский мягко улыбнулся и тихо произнес:

– Пусть это будет паролем для непредвиденной встречи. Если кто-то придет к вам вместо меня и произнесет эту фразу, вы будете выполнять все его распоряжения, как если бы это был хозяин "Эсмеральды".

Услышав такое предложение от любого другого клиента, Влахель потребовал бы письменного соглашения, заверенного нотариусом. Пусть это будет тайное дополнение к договору, но пусть будет на бумаге. Мало ли что! Как потом объяснять в суде свои действия, выполненные по распоряжению незнакомого человека, причитавшего стишок. Но это был русский, запросто носивший в кармане пиджака документ на десятки миллионов долларов и пригласивший Мартинеса-младшего в ресторан "Белый лотос". Ослушаться такого человека, означало бы потерять все разом, а вернуться

ни с чем в Таррагону не хотелось. Тогда, в 1996, Влахелю было всего лишь двадцать шесть, и перспективы кружили голову. Раздумывать было некогда, и опять сигарета из пачки "Фортуна" сделала свое дело. Хосе-Луис быстро сообразил, как извлечь выгоду из такой щекотливой ситуации. Ведь теперь он мог совершить какую-нибудь сделку от мнимого лица, назвавшего пароль. Порой в финансовом деле достаточно только одной сделки, чтобы обеспечить себе старость.

Очевидно, взгляд чем-то выдал его. Господин Гридман улыбнулся и спокойно добавил к сказанному о пароле, что в офисе "Эсмеральды" работает еще один сотрудник, который подтвердит полномочия незнакомца, знающего заветную фразу. Этот таинственный сотрудник передаст директору конверт, в котором будет пригласительный билет на какой-нибудь благотворительный вечер. Паролем, подтверждающим полномочия незнакомца, будет исправленная дата в приглашении. Вместо любой зачеркнутой даты будет написан от руки синими чернилами день рождения Мартинеса-старшего. Только настоящий, а не тот, который указан в его паспорте. Никто, кроме членов семьи не знал, что благодаря заботам тогдашней НКВД России, Рамон по документам оказался на два года старше, что скрывало факт его рождения в Москве.

Сделав небольшой глоток коньяку, гость чуть наклонился вперед и доверительно посоветовал Влахелю не устраивать кадровую чистку, ибо она может затронуть и директора. В

тот момент Мартинесу-младшему стало душно, несмотря на безупречную работу незримых кондиционеров.

На прощание Ариэль попросил Хосе-Луиса дважды в неделю обмениваться сообщениями по электронной почте, передав адрес, имя пользователя и пароль для первого сеанса связи. Предупредил, что текст должен быть самым неприкрытым и ни к чему не обязывающим. Просто игра. Если же к любому сообщению будет прикреплена фотография, то ее следует сохранить и позже обработать программой на домашнем компьютере. Там будут инструкции. С этими словами Ариэль передал Влахелю красивый портмоне. На память о встрече. В одном из отделений портмоне лежала дискета с программой. Так началась новая тайная жизнь директора "Эсмеральды".

В принципе ничего особенного от холостого мужчины не требовалось. Каждые полгода он регистрировался на очередном сервере интернет знакомств и начинал переписку от имени вымышленного лица. В переписке с новыми претендентками на его руку и сердце они рассказывали друг другу о себе, шутили, обменивались фото, делились планами. Согласно полученной инструкции, Хосе-Луис обрабатывал присланные фотографии. Когда, по окончании программы, запускаемой с дискеты, на мониторе его домашнего компьютера всплывало окошко с текстом, директор "Эсмеральды" читал в нем инструкцию по работе с имеющимися активами.

Неожиданно для себя Мартинес-младший понял, что основные состоятельные клиенты его компании были зарегистрированы через подставных лиц, а хозяином был все тот же русский. По инструкции Ариэля директор приобретал или продавал их акции на очень большие суммы. После, отчитываясь перед этими клиентами о произведенных операциях, Влахель никогда не сталкивался с вопросами. Всем руководил один человек. Так продолжалось два года.

Зарекомендовав себя надежным и очень добросовестным партнером, "Эсмеральда" в 2004 году получила несколько очень крупных клиентов. Их интересы представлял известный в финансовых кругах адвокат из Лондона. Прилетев в Барселону специально для встречи с Хосе-Луисом, он более часа провел в кабинете директора "Эсмеральды", оформляя необходимые документы. Прощаясь, после того, как они согласовали все формальности, адвокат, улыбаясь, сообщил, что инструкции по ведению дел этих клиентов директор получит вечером. И действительно, в присланной по электронной почте фотографии, было спрятано сообщение, суть которого Влахель сразу понял. За именами новых клиентов скрывался все тот же русский.

Объем инвестиций в посредническую компанию из Барселоны все возрастал, но проходило это постепенно, вполне законно и без лишнего шума. Директор только догадывался, что какой-то опытный и умный финансист готовит серьез-

ную операцию. Для удара он накапливал силы в небольшой компании, стоящей в стороне от больших денежных потоков. Этот дирижер не появлялся лично, чтобы дать указания, но десятки специалистов скрупулезно выполняли его волю, а гарантией безопасности задуманного выступал закон, охранявший порядок в финансовом мире. Волнения и тревоги Мартинеса-младшего все возрастали, но личные бонусы директора от операций с акциями клиентов были столь высоки, что он позволил себе купить великолепный дом в шикарном пригороде Барселоны.

При этом Хосе-Луис не переставал удивляться прозорливости тех инструкций, которые присылал русский в зашифрованных фотографиях. Каждая операция была максимально удачна. Это было похоже на везение при игре в рулетку. Впрочем, чутье потомственного финансиста подсказывало Мартинесу-младшему, что тут крылся тонкий расчет и удивительное знание рынка ценных бумаг. Интересно, что заставляло русского скрываться, а не самому открыто проводить такие рискованные, но всегда удачные операции. Директора "Эсмеральды" иногда прошибал такой пот, при визировании приказов на проведение очередной операций с акциями клиентов, что приходилось два-три раза в день менять рубашки. Он никогда бы не решился так рисковать своими деньгами, но инструкцию приходилось выполнять. Каждое утро, закуривая свою "Фортуну", Влахель с волнением читал котировки акций, словно игрок, наблюдающий, как

скачет шарик по крутящейся рулетке. И почти всегда его очередная рискованная сделка оказывалась удачной. В финансовых кругах Барселоны за ним, словно шлейф, стал увиваться образ счастливлчика. На все вопросы завистников Хосе-Луис обычно отшучивался, что "Фортуна" у него в кармане.

Пять лет назад в одной из зашифрованных фотографий, полученной по электронной почте Мартинес прочел неожиданную инструкцию, о приобретении "Эсмеральдой" дилерского места на бирже в Лондоне. К тому времени его посредническая компания скопила столько собственных средств на счетах банков, имеющих непререкаемый авторитет, что национальный финансовый комитет разрешил ей приобрести собственное место на Лондонской бирже металлов. Это был серьезный шаг и для его компании, и для него самого. Дело в том, что мало иметь желание и средства на такую операцию. Устав одной из старейших бирж в мире указывает, что деньги для приобретения торгового места должны быть абсолютно легальными и пролежать на счете одного из самых уважаемых банков мира не менее трех лет. Кроме того существует немало финансовых комитетов в разных странах, строго следящих за выполнением этих правил. Страны, так называемой западной демократии, предоставляют немало свобод своим гражданам, но как только разговор касается денег, тут о свободах забывают. Существуют очень жесткие

правила, нарушение которых имеют самые суровые последствия. Только в голливудских фильмах воры и мошенники легко грабят банки и обманывают доверчивых богачей. Биржа живет по очень строгим порядкам, выверенным веками.

Например, если кто-то заключил на бирже сделку о приобретении десяти тонн гвоздей на будущий год, он сразу же кладет в качестве гарантии в соответствующий банк страховую сумму, обеспечивающую сделку. Это не означает, что клиент реально хочет купить гвозди. До истечения срока контракта права на сделку десятки раз перепродаются с возвращением страховой суммы уступившему контракт, а результат операций зависит от знания рынка или везения. Только в самый последний момент контракт продается реальному покупателю. Впрочем, последний владелец контракта тоже может отказаться от покупки, но при этом страховая сумма не возвращается, а все равно идет на оплату оговоренной сделки, плюс штраф. Затем "счастливчику" приходит счет за отгрузку и хранение гвоздей на каком-нибудь складе. За сотни лет активной деятельности биржа отработала все возможные варианты мошенничества и сумела застраховаться от них. Теперь работает, как швейцарские часы. Деньги любят порядок, а хозяева биржи его обеспечивают, получая свой процент от каждой операции.

Директору "Эсмеральды" пришлось потрудиться, осваивая новую область знаний для работы в Лондоне. Впрочем, упорства и способностей ему было ни занимать. Влахель да-

же получил соответствующий диплом и повесил его в рамочке рядом с остальными индульгенциями в своем кабинете. Начался новый этап в его жизни. Став непосредственным участником крупных операций на бирже, компания перестала платить комиссионные дилерам и получила новых клиентов, искавших возможность совершать сделки с минимальными накладными расходами.оборотный капитал сразу вырос на порядок, а личный бонус директора позволил приобрести хорошую квартиру на улице Блумберри, куда он стал прилетать для контроля работы своих менеджеров в лондонском филиале "Эсмеральды".

Впрочем, независимо от дел, погоды или настроения, Влахель продолжал дважды в неделю, по вторникам и четвергам, наведывался в интернет-кафе, чтобы обменяться игристыми письмами с посетителями сайта брачных знакомств. Для мужчины его возраста это выглядело вполне прилично. Ну, не с домашнего же компьютера рыскать по интернету в поисках сомнительных приключений. Строгие правила корпоративной этики не позволяли и думать о том, чтобы в рабочее время заглянуть на развлекательный сайт. Современный мир все больше становился обществом одиноких. Можно лишь кивком головы поздороваться с соседом на улице, но часами обмениваться сообщениями с незнакомым человеком в другой стране. Даже появившаяся возможность видеть и слышать собеседника с помощью компьютера не избавила человечество от электронной переписки. Очевидно,

именно анонимность привлекает современного человека в быстром общении через Интернет.

Хосе-Луис любил размышлять, разглядывая ночную Барселону. Огни старого города отчего-то напоминали директору огоньки сигарет. Будто целое море курильщиков расположилось под окнами офиса, прислушиваясь к его мыслям. Эта идея делала Влахея более значимым в собственных глазах. Насладившись своими рассуждениями, в основе которых все-таки лежали идеи русского, ему нестерпимо захотелось курить. Впрочем, пора было прогуляться после напряженного рабочего дня и заглянуть в бар на углу Аугусты и Либертат. Обычно в это время в "Наезднике" было немногочисленно, и воспользоваться одним из компьютеров за столиками в дальней комнате не составляло труда. Последние полгода директор "Эсмеральды" дважды в неделю заходил на австралийский сайт службы знакомств. Корреспондентом по переписке у Влахея был Рик, невзрачный лысеющий брюнет из Сиднея, водивший грузовики вдоль побережья далекого континента и тщетно пытавшийся найти спутницу жизни на виртуальных просторах всемирной паутины. Хосе-Луис переписывался с Риком по-английски от имени Кончиты – страстной танцовщицы фламенко, чье фото он скопировал с сайта любителей этого зажигательного танца. По придуманной им легенде, стройная эффектная секретарша туристического агентства была без ума от танцев и хотела бы

иметь надежные семейные тылы не в лице патологического ревнивца из Андалузии или Валенсии, а скромного водителя из далекой Австралии, где под палящим солнцем медленно пульсирует жизнь, и мужчины боготворят женщин, которые, как редкие райские птички, случайно залетают в те и поныне дикие края.

На улице Мартинеса-младшего встретила прохлада. Ночной бриз принес в раскаленную августовским солнцем Барселону дыхание моря. Этот знакомый с детства, насыщенный солью и морскими травами запах успокаивал и приносил какое-то умиротворение.

Неизменная "Фортуна" добавляла свои нотки, и настроение поднималось. Хосе-Луис вместе с серым костюмом и лакированными туфлями оставлял в офисе замашки директора. Разноцветная рубашка с короткими рукавами и большим открытым воротом, свободные легкие брюки и сандалии без носок. Любимая сигарета в длинных изящных пальцах и обаятельная улыбка любому встречному. Он нравился сам себе. Настоящий мачо, даже, несмотря на небольшое брюшко под свободной рубашкой. Он заглянет в два-три бара, выпьет по рюмочке хереса с приятелями, обсудит последние сплетни и новости. Завтра у него встреча с Тересой из магазина женской одежды на Лас Рамблас, а сегодня он холостяк. В этом есть своя прелесть. Жажда свободы передается по наследству, она в крови. Как бы ни был желаем семейный уют, свобода слаще. Сознание того, что он может в любой

момент совершить нечто такое, о чем пока не догадывается, дорогого стоит. Именно поэтому его предки строили корабли и открывали неизвестные страны, а то и поднимали на мачте флаг "Веселого Роджера". Да, настоящему мачо всегда чего-то не хватает. Его мятежная душа никогда не успокоится. Ни домашний очаг, ни красавица жена, ни счет в банке. Впрочем, нет. Оставим деньги в покое, к ним у Хосе-Луиса всегда было особое отношение.

Он любил их. Особенно наличные. Запуская руки в инкассаторский мешок, он закрывал глаза, отыскивая наощупь новенькие хрустящие деньги, и видел юную красавицу; касаясь чуть измятой со сгибами банкноты, Мартинес-младший представлял знойную пышную красотку в полном расцвете своих знойных сил, а потрепанная купюра с надорванными краями казалась ему бальзаковской дамой, сохранившей остаток невостребованных желаний тому единственному счастливицу, на кого она выплеснет все без оглядки. Жаль, что Влахель не владел изящным слогом, он смог бы написать немало славных строк о деньгах, изливая на бумагу свои яркие переживания.

Впрочем, вот и вывеска бара "Наездник". Фиолетовые рошчерки неоновых огней в стиле Дали очерчивали контуры мужчины в широкополой шляпе, обуздавшего ретивого скакуна. Бар был необычный. Возможно, хозяин когда-то прикупил к имеющемуся помещению второе, побольше, но переделывать ничего не стал. Первоначальное заведение и по-

ныне осталось в том же виде. Входящий с улицы незнакомец, попадал в обычный бар небольшого размера, где с потолка свисают флаги местных футбольных команд, а на большом экране за стойкой демонстрировались матчи. Только постоянный клиент знал, что можно откинуть толстую портьеру в углу зала и пройти по узкому коридору во второе помещение. Оно для завсегдатаев, поэтому у второй двери всегда потягивает пиво бывший боксер. Для посетителей, которых он не знает в лицо, у него заготовлена фраза, что здесь служебное помещение. Впрочем, это именно так. Второй зал служит пристанищем для состоятельных женатых мужчин, которые хотят поговорить по телефону вдали от нескромных соседей или воспользоваться компьютером для общения через Интернет. Цены и обстановка в "Наезднике" рассчитаны на успешных мачо, а студенты и мелкие клерки чувствуют себя здесь неуютно. Даже чашка кофе эспрессо, в стоимость которой входит час работы за компьютером, для многих с улицы покажется заоблачной. Интерьер второго зала был выполнен в старом испанском стиле. Так в прошлые века строили замки – надежно, роскошно и безопасно. Мебель и резные панели, отделявшие посетителей друг от друга, сделаны из Канарской сосны, которой прежде обшивали борта боевых кораблей. Дюймовая доска из нее выдерживала удар небольшого ядра и почти не горела.

Влахель признавался себе, что ему нравилось "играть в шпионов" по вторникам и четвергам. Он всегда садился за

самый дальний монитор в зале и заказывал "иноходца". В этом ароматном коктейле с пряностями чувствовались нотки Порто, игривость Сангрии и неременная сочная маслина. Действие "иноходца" проявлялось не сразу. Он постепенно заманивал Хосе своими необычными вкусовыми ощущениями в увлекательное путешествие по стране удовольствий. Сначала медленным шагом, не торопясь, с оглядкой по сторонам, когда можно уверенно постучать по клавиатуре и принять сообщение от Рика, потом, скопировав файл к себе на "флэшку", пробежаться рысью. Добравшись до второй половины "иноходца", можно ответить что-нибудь от имени Кончиты, пофантазировав о неукротимом желании знойной танцовщицы. Покончив с делами, Влахель заказывал еще порцию "иноходца" и заходил на сайт с горячими красотками. Просматривая новые фото или клипы, он уже припуская аллюром по воображаемым прериям, где прекрасные амазонки дразнили его своими пышными формами и безудержными фантазиями. Как бы ни были искусны в джигитовке эти прелестницы, Хосе-Луис допивал второй бокал, и переходил в карьер. Откинувшись на спинку мягкого кресла, он закуривал свою "Фортуну" и прикрывал глаза. Влахель любил фантазировать, как он догоняет строптивую красотку и берет в плен, а затем неудержимой иноходью они мчатся вместе к высотам наслаждений. Возможно, в лице Мартина-младшего Голливуд потерял хорошего сценариста, но что поделывать, кому-то нужно быть скромным директором по-

среднической фирмы.

Позже, за чашкой крепчайшего колумбийского кофе и гаванской сигарой, Хосе-Луис вновь переходил на шаг, размышляя, что родился он пятью-шестью веками раньше, непременно бы оказался среди друзей Кристобалья, открывшего Америку или Эрнана, покорившего Мексику. Ему казалось, что кровь предков бунтовала против размеренной жизни под кондиционером. Однако он признавался себе, что именно эти многочисленные счета, декларации, отчеты, встречи, переговоры и часы раздумий за компьютером о вариантах развития событий на бирже дают ему возможность ощущать себя свободным и сильным. Ну, хотя бы иногда. По вторникам и четвергам. Когда, скопировав очередную картинку из полученного сообщения на "флэшку", Влахель медленно шел домой. В предвкушении очередной хитроумной комбинациями с чужими акциями по чужой инструкции. Ему казалось, что именно он, Мартинес-младший, придумал все это, и завтра вновь удивит сотрудников "Эсмеральды" очень смелым и успешным набегом на плодородные финансовые поля конкурентов. В эти минуты Хосе-Луис ощущал себя безжалостным Эрнаном, затевавшим очередной бросок за золотом инков. Правда, теперь не нужно было проливать кровь несчастных аборигенов и тащить через океан мешки с золотыми украшениями и статуэтками божков, опасаясь других, подобных ему бандитов. Теперь в результате операции только менялись цифры на определенных счетах

в банках. Сражения и походы стали незримыми. Шла война интеллекта и нервов. У победителя сумма увеличивалась, у неудачника – наоборот. Исчез запах крови и порохового дыма, не слышен предсмертный хрип поверженного врага и звон падающих к твоим ногам золотых монет. Силу и ловкость мышц заменила мощь и неординарность интеллекта, а вот коварность, жажда наживы и азарт остались. Разбойники не облачались в блестящие доспехи, не точили клинки, не заряжали мушкеты. Они сидели в прохладе кабинетов, изучая котировки, тренды и угадывая перспективы. Порой рисковали и затевали аферы, но игра стоила свеч. Особенно, когда в прохладном кабинете становилось душно.

Глава VIII

Софья Львовна очень дорожила своей семьей, все ее дела и речи сводились лишь к одному. Благополучию их рода. За свою долгую жизнь она испытала немало, но еще больше поняла и запомнила. Как она мечтала передать все дела стоящему наследнику, но судьба распорядилась иначе. Из живых остались только племянник, да маленькая правнучка. Арик с детства был тихим послушным мальчиком. Настоящий бухгалтер. Она сделала его управляющим непрямого банка в Москве, и Арик очень аккуратно выполнял ее решения, но сам разрабатывать что-то был не в состоянии. Не было в нем куража.

Любимый сын Марат, на которого Софья Львовна возлагала большие надежды, погиб в девяностые. Вот кто мог бы стать настоящим наследником ее дела. Ему можно было бы доверить все и уйти на покой, но не судьба. Дочь Инна была избалованным трудным подростком, позже спуталась с иноверцем и ушла из дома. Затем так нелепо погибла. Теперь вот хрупкая девочка, единственная наследница русской ветви Гридманов. Правда, весь советский период они были Гриднёвы, но теперь вернулись к своим корням. У Нины многие черты Гридманов были видны уже сейчас. Острый ум, удивительная наблюдательность и способность анализировать. Девочка порой просто поражала престарелую главу некогда

большой семьи своими способностями. Она рано научилась читать и быстро освоила работу на компьютере. Сразу пошла во второй класс, хотя и там явно скучала на уроках. Как прабабушка, в детстве.

Быть наблюдательной и уметь анализировать Софью Львовну научил отец. Он был скромным служащим в министерстве финансов молодой большевистской страны. Менялись министры, главные и замы, проносились чистки и проверки, а он всегда оставался на своем невысоком стульчике. И все потому, что умел быть наблюдательным, нужным и неприметным. Смышленная и невзрачная Софочка продолжила дело отца. Никто лучше нее не мог разобраться в бумагах, составить отчет или предоставить справку. Она никогда не была даже замом, но всегда все знала. Уйдя из министерства на пенсию, она продолжала консультировать вновь назначенных главных и те не скупилась на благодарности.

С годами Софья Львовна не утратила чутье и природную смекалку, но прибавила к ним огромный опыт в понимании финансовых течений и психологии жуликов. Ее любимой поговоркой на протяжении всей жизни была собственная фраза – "клиент пришел, чтобы украсть наши деньги". Вернее, это была ее позиция, заставляющая все время быть начеку. И никому никогда не удалось обмануть ее. Это была серьезная репутация в финансовых кругах. За что необычного бухгалтера ценили и оберегали, передавая по наследству, как надежный сейф, который еще не вскрыл ни один медвежатник.

Еще Софье Львовне всегда удавалось лавировать в подводных течениях министерства. Она не писала анонимок и доносов, не подсиживала начальников и не стремилась возвыситься. Она выживала. Опытный взгляд помогал выделить в бумажном море министерства намеки на затевающуюся финансовую интригу, и она умело отходила в сторону. Позже все вскрывалось, проводилось следствие, летели головы, но ни одна волна не касалась скромного бухгалтера. Как правило, в запутанных ходах большой финансовой игры, оставались незамеченные суммы. Какое-то время они вылеживались на неприметных счетах, и, когда все штормы утихали, незаметно перетекали в укромное место.

Одним из основных правил, которыми Софья Львовна всегда руководствовалась, было смотреть в прошлое. Причем самым внимательным образом. Министры, главные и замы, а позже – так называемые "топ менеджеры" всегда смотрели вперед. Они жили будущим. Она же – только прошлым. Как профессиональный археолог, Софья Львовна могла фанатично слой за слоем снимать пласты и делать временные срезы в финансовых документах. И как бы ни были изощренно придуманы ходы очередной махинации, она их разгадывала. Конечно, у нее не было доступа ко всем документам, но аналитика всегда выручала. Самым сложным было понять замысел, и, когда он прояснялся, Софья Львовна ощущала себя Наполеоном.

Словно любитель шахмат она разбирала чужие финансо-

вые партии самого высокого уровня. Причем огромные суммы не кружили голову, ее манила сама идея, лежащая в основе партии. И, порой, это приводило в восторг. Попадались просто виртуозы! Они дирижировали огромным оркестром, исполнявшим знакомые всем мелодии, но так, что никто из опытных музыкантов не слышал фальшивых нот. Как правило, у дирижера был только один свой человек в оркестре. Им мог быть кто угодно, все зависело от идеи автора. Смелая трактовка известной партитуры позволяла то флейтисту, то первой скрипке сделать иной акцент. При этом даже сами исполнители и слушатели наслаждались игрой, не ощущая подвоха. А он был, но был незаметным. Так фокусники на глазах у публики распиливают или прячут своих ассистентов, достают из рукавов букеты, а из потайных карманов голубей. Недоверчивый зритель выскакивает на сцену, чтобы разоблачить артиста с ловкими руками, но тщетно. Мастер не только придумал некое действие, но и отточил его до совершенства. Если говорить о министерстве финансов, то там было немало хороших профессионалов, а не случайных зрителей с улицы. И, тем не менее, находились такие дирижеры, чей оригинальный концерт для сотен слушателей долгое время звучал идеально. Это были виртуозы.

Позже Софочка составила свою "доску почета" из авторов головокружительных финансовых афер. Сначала из тех, кто попался, а потом и тех, кто еще "музицировал". Вычислив дирижера очередной аферы, она уже не выпускала его

из виду, испытывая такой азарт, что никакие жизненные радости не могли ее отвлечь. Пройдя уникальную школу, способная ученица получила богатейший опыт, недоступный ни одному профессору университета. Она была современником многих головокружительных взлетов и падений, накапливая не столько деньги, сколько знания.

В Горбачевскую перестройку Софья Львовна стала незаметным пенсионером, консультирующим по финансовым вопросам. В эпоху первого Президента России ее имени тоже никто не слышал, но дом на улице Бахрушина был тихо приватизирован на имя бывшего бухгалтера. Тогда она почувствовала себя настоящей Мата Хари.

– Бабушка, а кто такая Мата Хари? – неожиданный вопрос Ниночки прервал воспоминания.

Варя и Лидия Натановна вопросительно переглянулись.

– Я сказала Мата Хари? – удивилась хозяйка. – Впрочем, откуда тебе знать. Голливуд приучил всех к мысли, что лучшими разведчиками были мужчины. Их сценаристы до сих пор пишут по шаблонам о ковбоях, скачущих на лошади и стреляющих с обеих рук. Герои голливудских лент меняют одежду, машины и оружие, но суть остается прежней. Даже современные инопланетяне и те, кто спасает мир, скопированы с героев времен поколения Дикого Запада. И мир тянется к этой жвачке в яркой обертке. А лучшими разведчиками всегда были женщины, а не слащавые самовлюбленные Бон-

ды. Когда-то давно писали о знаменитой шпионке по имени Мата Хари, но теперь о ней не вспоминают.

– Мне тоже не нравится этот 007, – состроила гримаску Нина.

– Интересно, почему же? – заинтересовалась хозяйка.

– Да у него на лбу написано "шпион", – хихикнула девочка. – Крупными буквами.

Следом за Софьей Львовной рассмеялись остальные. Завтрак продолжался весело и непринужденно. Варя чувствовала удивительную симпатию к тем, кого еще вчера утром не знала. Для девушки это было странным, ибо она всегда вела достаточно замкнутый образ жизни, устанавливая незримые барьеры в отношениях. За последние несколько лет у нее не появилось друзей, разве что Маша, с которой она побывала в Египте и Бельгии. Впрочем, некоторые обстоятельства тех поездок были не только неприятными, а просто ужасными, и о них не хотелось вспоминать. Сознание прятало их в дальние уголки памяти, как старые фотографии, разорванные пополам. Возможно, потому они с Машей и не встречались. Редко перезванивались и не стремились к большему.

Иногда Варя пыталась разобраться в себе. С кем бы она могла дружить? Наверное, с Машей, хотя они и очень разные. Та просто красавица, успешна в бизнесе и от мужчин отбоя нет. Судьба не легкая, но сильный характер позволил все преодолеть. Интересно, сложилось ли у них с Николаем. Он был охранником у Маши, и только слепой мог не заме-

тить, его влюбленный взгляд. Варя Николай тоже нравился. Честный, сильный, скромный и такой влюбленный. Больше всего Варя запомнила, как в Бельгии он нес Марию на руках. Именно Марию, а не Машу или Машку. Он нес ее как королеву. А вот сама Варя всегда была "пацанкой". С детства бегала с мальчишками на море и лазала в чужие сады, и никто не подумал бережно взять ее на руки.

Внезапно Варя прервала свои воспоминания, почувствовав опасность. Она быстро взглянула на девочку. Та, как ни в чем не бывало, пыталась что-то подцепить вилкой в тарелке. Однако выражение лица у Нины было иным, она не думала о еде.

– А подслушивать в высшей степени неприлично, – подумала про себя девушка.

Тут же щеки у Нины вспыхнули румянцем. Она еще не умела скрывать свои эмоции. Тупо уставившись в тарелку, девочка пыталась изображать разыгравшийся аппетит, но еще больше выдавала свою растерянность. Варя сжалилась над ней и поспешила на помощь.

– Софья Львовна, а когда вы планируете поездку?

– Шестнадцатого сентября в Израиле будут встречать 5771 год со дня сотворения мира, – с едва заметной ироничной улыбкой ответила хозяйка. – Вот мы и присоединимся. Или у тебя были другие планы на сентябрь?

– Нет, нет, – спохватилась девушка. – Это было бы очень интересно. Никогда не видела, как празднуют Роша-Шана.

Впрочем, могу неверно произносить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.